

18+

В.М. ФЛЁРОВА

БУДНИ НЕКРОМАНТА

Вера Флёрова

Будни некроманта

«Издательские решения»

Флёрова В. М.

Будни некроманта / В. М. Флёрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-676634-1

Доктор Мерц — обычный человек в обычном дефолт-сити. Вместе с физическим уродством он получил дар воскрешать умерших. В эпоху потребления, когда искусство некромантии стало обычной бытовой услугой, его талант пользуется большим спросом. Клиенты некроманта готовы платить ему за воскрешение мертвецов — должников, кредиторов, бабушек, не успевших расписаться на завещании. Каждого своего клиента доктор предупреждает о возможном провале — ведь у мертвецов после воскрешения сильно меняется характер.

ISBN 978-5-00-676634-1

© Флёрова В. М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Будни некроманта	6
Глава 1. «Пиковая дама»	6
Глава 2. Здоровый образ нежити	11
Глава 3. Душа Генциана	17
Глава 4. Живущие во сне	31
Глава 5. Маруся отравилась	41
Глава 6. Золотое крыло	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Будни некроманта

Вера Михайловна Флёрова

© Вера Михайловна Флёрова, 2025

ISBN 978-5-0067-6634-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Будни некроманта

Глава 1. «Пиковая дама»

Арка в полутемной прихожей покрылась инеем. Его пушистые кристаллики едва отражали свет, сочащийся с лестницы, и уж совсем в темноте под ними в аквамариновом сумраке просматривался барельеф, украшенный готическими буквами. Буквы гласили: «Смерть – это еще не все», «Воскресайте с нами» и «Все помнят нашего первого клиента».

Рисунок, изображающий трехголовых собак в центре свода, был сколот, отшлифован и украшен табличкой «Доктор Ансгар Ф. Мерц».

Согласно первоначальному замыслу арку планировалось вынести наружу, но, поскольку заколдованный человеческий мир еще не был готов полюбить порталы в иное, доктор Мерц не спешил.

И каменная дуга, похожая на изогнутую кошачью спину, возвышалась в прихожей, покрываясь замерзающим конденсатом. В пазухах ее узоров неплохо охлаждались бутылки с пивом.

– Нет ничего более идиотского, – ворчал доктор Мерц, опустившись на одно колено и растирая в пальцах тающие кристаллики, – чем словосочетание «плохая экология». Экология – это наука! Она не может быть плохой или хорошей! Verflixt! Она просто и-зу-ча-ет!

– Но говорить «плохое экологическое состояние окружающей среды» – эт» слишком длинно, – возразил доктору парень славянской внешности со светлыми винно-розового оттенка волосами.

– Сходил бы ты за пивом, Ваня, – укорил доктор. – Тебе все равно, а мне надо вымывать из организма свинец и радионуклиды.

– Слушаюсь, шеф! – отчеканил он по-военному. – Девочек снимать?

Ваня был симпатичен, весел и любил глупо шутить. Всю жизнь он стеснялся своих мыслей, но два года назад, получив свидетельство о смерти, освобождающее его от ответственности за собственную самооценку, полностью лишился комплексов.

– Что ты с ними делать будешь? – хмыкнул Ансгар. – На голову натягивать? Дебил. Раньше я думал, что смерть отучает от тупых шуток даже таких безмозглых придурков, как ты, но теперь вижу, что ошибся.

– Это потому, что от них отучает жизнь, – бодро согласился Ваня. – Но вы можете меня убить.

– Не могу, – вздохнул Ансгар. – К моменту смерти ты прожил 32 года, следовательно, без специального яда проживешь как минимум столько же. А яд нынче дорог.

*

– Здравствуйте, – робко сказали девушки. – Вы... доктор Мерц?

Рассматривая гостей в темноте прихожей, Ансгар Мерц думал почему-то не о том, кого они видят перед собой, а о том, достаточно ли внушительно выглядит арка. Он предполагал, что тоже частично избавился от комплексов. Осталось избавиться от отложений ртути в организме.

– Чем могу служить? – Он вежливо склонил голову вбок (вперед она наклонялась плохо) и криво улыбнулся.

Девушки переглянулись.

– Вы... нам сказали, что вы можете...

– Я некромант.

– Это нам и нужно, – сказала высокая блондинка. Она была более решительной. – Нам нужно воскресить бабушку. Ненадолго. На пару дней.

Бабушка у сестриц была лежачая, капризная и когда-то под влиянием момента завещала все свое имущество кузену девушек, живущему в Новой Зеландии. Однако со временем, осознав, что лишилась последнего козыря, обещала изменить завещание в пользу сестер, если они поселятся в ее в квартире и станут за ней ухаживать. Пять лет Аня и Лена честно исполняли договор, и вот послезавтра должен был наступить момент триумфа – бабушка согласилась принять нотариуса и переписать заветный документ. Девушки уже прикидывали, на что потратят наследство, увлеченно рылись в каталогах...

А нынешней ночью бабушка взяла да отдала богу душу.

Можно ли как-то сделать так, чтобы она дожила до послезавтра? Пусть подпишет при нотариусе, а после – пусть помирает сколько хочет. Пожалуйста...

– Вы в курсе моих расценок? – уточнил Ансгар Мерц.

Девушки молча закивали. Они готовы. Они даже приплатят, если получат по завещанию все, что им обещано.

– Снятие греха с души включаем? – осведомился некромант.

– Мы неверующие, – робко ответила Аня.

– Как хотите. А теперь покажите клиентку, пока она не начала портиться. Лето все-таки.

Ваня знал причины нетолерантности доктора Мерца к атеистам: тот говорил, что пока на земле жили верующие люди, на ней не было так грязно.

Сам же господин Ансгар считал себя если не религиозным, то сочувствующим, однако был уверен, что за все свои будущие грехи заплатил еще при рождении. И мало кто решился бы с ним спорить.

*

В комнате были задернуты все шторы и занавешены все зеркала.

Покойница, однако, не была накрыта с головой, и Ваня поразился, как все-таки смерть уродует людей: старуха была белая, жесткая, с запавшими глазами и щеками и полуоткрытым ртом, застывшим в брезгливой гримасе. Вылитая «Пиковая дама».

В комнате плохо пахло.

– Должен вас предупредить, – сказал доктор Мерц, – что после того как она встанет, у нее может сильно измениться характер.

– Главное, чтоб нас узнала, – произнесла Аня хмуро.

– И помнила, как расписываться, – добавила Лена.

Заметив вопросительный взгляд Вани, они снова помялись, но объяснили:

– Не может быть хуже характера, чем у лежачей бабки. Она и ходячая-то была не особо, а уж как слегла... мы должны были ей каждый вечер писать отчеты – где были, сколько потратили... издевалась постоянно. С детства.

Ваня представил себе картинку – ночь, входит бабушка в белом чепце... и дальше как по Пушкину: «Я пришла против своей воли, чтобы подписать завещание...». Брр.

– А если, – осторожно спросил он, – набросится и начнет вас душить?

– Позволь мне хоть перед ритуалом отдохнуть от твоих тупых острот, – поморщился доктор Мерц. – Они так не делают. В крайнем случае, – он протянул девушкам небольшой стеклянный цилиндр, – вот яд. Здесь игла, достаточно одного укола – и восставший мертвец обретет покой.

Внимательно поглядев в глаза сначала одной сестре, потом другой, он пояснил:

– Это не будет убийством. Ведь она уже умерла. И следов вещества не останется. Я гарантирую. А теперь, будьте любезны, покиньте комнату – ритуал требует сосредоточения. Ваня, ты расставил свечи? И принеси воды. Она захочет пить, когда воскреснет.

Прошло всего четыре часа; казалось, сменилась эпоха.

Доктор Мерц, как и всегда после ритуала ощущая сильный эмоциональный подъем, раздвинул шторы, а потом все-таки присел на специально оставленный для него стул с кожаной обивкой. Стул выглядел ровесником старухи, которую он про себя уже называл «графиней». Его явно делали еще тогда, когда экология была «хорошей». Нет, поправил себя Ансар. Ее тогда еще не придумали. Незачем было. Поэтому и «графиня» дожила до девяноста двух.

Небо начинало светлеть. Свечи гасли одна за другой – сами, как это всегда бывало в конце ритуала. Значит, все получилось.

Интересно, прилегли ли девушки? Оставаясь там, за дверью, и глядя, как милостивый зомби зажигает свечи вокруг трупа, они выглядели очень бледно.

Впрочем, сам Ваня, когда два года назад Мерц воскресил его, выглядел куда хуже, сначала утопившись из-за несчастной любви, а потом пропутешествовав несколько дней в нефтяном пятне. Тогда-то у него в волосах и завелись эти розовые водоросли. На вопрос, не красит ли он их, Ваня солидно отвечает: «Это из-за экологии. Экология плохая».

И не врет. Хотя фраза, конечно, отвратительная, как и большинство этих расхожих современных фраз. Покойница поняла бы.

...Правильно подготовленные Ваней девушки вошли в комнату и встали на пороге. Покойники всегда пробуждаются с первым лучом – так уж заведено. Но им нужно время, чтобы прийти в себя полностью и осознать произошедшее, поэтому, входя к ним, лучше не спешить. Мало ли что им взбредет в голову.

Бабушка лежала с открытыми глазами. Рядом с ней на тумбочке стоял уже почти выпитый стакан воды, всю ночь отражавший огоньки ста двадцати трех свечей.

– Бабушка? – севшим от страха голосом спросила Аня.

Бабушка повернула голову к двери, скрипнув кроватью.

Ансгар отошел и встал так, чтобы его не увидели.

– Привет, – сказала Лена, более смелая. – Тебе нужно что-нибудь, бабушка?

Минуту бабушка смотрела на внучек белесыми, словно высохшими глазами. Доктор Мерц много дал бы, чтобы узнать ее мнение о стакане – наполовину полон он или наполовину пуст? Это было очень важно.

Сев на кровати, бабушка улыбнулась.

Если бы за спиной у девушек не стоял Ваня, сначала не позволивший им броситься прочь, а потом поддержавший каждую за локоть, чтоб не упала, ситуация стала бы очень глупой.

Посмотрев на позеленевших от страха девиц, бабушка улыбнулась еще раз.

– Доброе утро, деточки, – сказала она ласково. – Бледные-то какие... небось, не завтракали еще? Ну, сейчас, я приготовлю...

Кряхтя, бабушка поднялась с постели и набросила халат.

– Сейчас, сейчас, – бормотала она, направляясь к двери. – Деточки мои, давайте я вас накормлю... я такую кашку вам сварю – с яблочками, с курагой и орешками... ты, Анечка, в детстве любила кашку с орешками, я правильно помню? – бабушка лукаво сощурилась.

Оказавшись у покойницы за спиной, Анечка окончательно потеряла человеческий цвет и сползла по дверной притолоке.

– Тихо, тихо... – шептал Ваня, брызгая ей в лицо из бабушкиного недопитого стакана. – Все хорошо... Стакан наполовину полон... хм, был.

Весь ближайший час бабушка варила кашу. И суп. И крутила котлеты.

– Эти мальчишки? – спросила она, увидев, наконец, зомби и некроманта. – Это ваши кавалеры? Какие милые... я всегда говорила: у моих внучек очень хороший вкус! Как вас зовут? Ванечка? Ванечка, садитесь, я вам салатiku положу... а вы? Ансар? Какое красивое, благородное имя! И глаза у вас умные. Будьте любезны, вот сок, вот компот... или вам пивка? Ай, хитрые! Но есть и пивко, как же не быть. Есть оно... Леночка, да ты сиди, я сама найду. Я знаю, на средней полке. Вам темное или светлое?

Самым спокойным из всех присутствующих выглядел доктор Мерц. Теперь он чувствовал себя усталым и очень хотел есть. А еще он знал, что сейчас поест и захочет спать. И все.

А что до покойников... он и не такое видал.

– Вы не могли бы, – тихо попросила его Лена в прихожей, – раз уж вы мой поклонник... ну хотя бы поцеловать меня на прощание. Для бабушки. Она идет сюда...

Ансгар вздохнул.

– Не мог бы, – сказал он шепотом. – Потому что я не единственный мастер в этом городе. Если я, испытывая (или не испытывая) определенный интерес, хотя бы прикоснусь к женщине, я могу стать одним из многих; печальная участь.

Он тихо рассмеялся. Первый раз девушка попросила его о знаке внимания – и первый раз он отказал.

Он самый сильный некромант в городе именно потому, что урод. Все остальные соблазняются так или иначе. А он застрахован. И не намерен отказываться от этого своего преимущества.

– Ой, извините...

– Вы уж заходите к нам, – выдвинулась из комнат бабушка. Неизвестно когда она уже нашла время причесаться и даже уложить волосы в блестящие старомодные кудряшки. – Мы всегда рады вашему визиту.

...И они действительно зашли. Девушки оплатили еще два визита «кавалеров».

– Теперь нам нужно расстаться, – шептала Лена. – Скажем бабушке, что мы их послали. А то у нас деньги кончатся раньше, чем мы получим завещание.

Сестра посмотрела на нее с сомнением. Станным, не поддающимся истолкованию сомнением.

– Понимаете, – объясняла она мужчинам (если зомби и доктора Мерца можно было так назвать), – это была моя мечта. С детства. Чтобы у меня была такая бабушка. Чтобы она кормила меня, отбирала чипсы и сажала огурцы на даче. Чтобы она меня понимала и все, все прощала... Чтобы она знала о мире такое, чего не знаю я, и это знание делало бы ее доброй. Однажды, – заметив, что Ваня внимательно слушает, Аня увлеченно, почти зачарованно продолжала, – мне приснился сон, что я выхожу утром в сад, блестящий от росы... паутинки в радужных каплях... только что раскрывшиеся цветы... и я понимаю, что это мир, полный любви, который принадлежит ей и которым она делится со мной... Но наяву она была совсем не такая. Это она такая теперь... Может быть, это потому, что она была там, на том... на той стороне? Может быть, поэтому?

Доктор Мерц выразительно посмотрел на Ваню.

– Конечно! – заверил тот. – Там есть что-то, что не передашь словами. Смерть... ну, она... делает человека добрее. Он узнает там, что нельзя быть злым. И начинает всех понимать.

– Возьмите, – всхлипнула Аня, протягивая ампулу с иглой. – Я... не буду... не могу ее убить. Ведь она... я мечтала о такой бабушке. Когда она заставляла меня учить уроки. Когда ставила в угол. Когда запрещала гулять, я думала – вот, ведь есть бабушки... ыы... добрые. Хорошие, понимающие, спокойные. А она – она все понимает, все знает... она добрая, хоть и забывчивая иногда. Да.

Доктор Мерц молчал. Молчал так, словно что-то вспомнил, что-то далекое и ему совсем небезразличное. Ване даже показалось, что вот сейчас он протянет руку и коснется плеча клиентки, признав этим справедливость ее решения да и – что там – просто сочувствуя.

Но доктор Мерц этого не сделал.

– Что ж, – согласился он сухо. – Как хотите. Если передумаете – обращайтесь.

И сунул ампулу в карман куртки.

– Спасибо, – Аня сделала попытку поймать его руку, но в итоге только схватилась за рукав, – спасибо вам... вы... профессионал. Наверно, я выгляжу как дура, но... вы понимаете.

Она улыбнулась.

...Уже на улице Ваня сказал:

– Она все подписала. Она действительно не чаёт в них души.

– Я догадался, – ответил некромант. – Только теперь вряд ли им пригодится это завещание.

– В смысле?

– Бабке девяносто два, и, если ее не отправить обратно, она еще примерно столько же и просуществует. Вряд ли наши девушки сравняются с ней по продолжительности жизни. Экология нынче не... Ach du Scheiss! Я хотел сказать – экологическая обстановка не та, что раньше.

Глава 2. Здоровый образ нежити

– Ансгар Фридрихович, а зомби могут стать того... неконвенциональными? Ну, со странностями в личной жизни или вегетарианцами, например? И агитировать за свой образ жизни?

– Я полностью отдаю себе отчет в том, – отвечал из своего освещенного лампой угла доктор Мерц, – что жизнь у тебя была нелегкой, но с момента ее окончания прошло уже два года, и я был бы тебе весьма обязан, если бы ты хотя бы в разговорах со мной обходился без идиотских эвфемизмов. У воскресенных нет ни личной, ни здоровой, ни жизни в принципе. Кроме того, позволю себе напомнить, что мы не в детском саду на приеме у психолога, а на даче, где я хочу отдохнуть от вызывающих тошноту заблуждений человеческого стада, гордо называющего себя «цивилизацией».

– Тут тоже цивилизация, – буркнул Ваня. – И она нас в чем-то подозревает. Они же не знают, что я зомби. Вот если я им скажу...

– Они, конечно же, сразу успокоятся и потеряют к нам всякий интерес, – прошептал доктор Мерц, откладывая брошюрку: «Чудо-кабачок – правда или вымысел?».

– Нет, конечно, – неохотно признал Ваня. – По крайней мере, мне будет не обидно.

– Это следует понимать так, что в вашей деревне престижнее быть мертвецом, чем человеком со странностями?

– Да это во всех деревнях так...

– Хм.

– Я знал, что вы согласитесь! – просиял Ваня. – Я, в общем-то, уже кое-кому сказал, что вы – некромант, – признался он.

Ответную речь доктора он не запомнил. Да и не понял половины. Только ему показалось, что Ансгар Фридрихович зря метал бисер перед ним, ни разу не студентом филологического факультета.

– Простите, шеф, – пробормотал он, когда доктор остановился перевести дыхание и даже выключил настольную лампу эпохи развитого социализма, освещавшую ему журнал. – Я не знал, что вы примете это близко к сердцу...

– Не знаю, заметил ли ты, – сказал доктор холодно, – что я приехал в деревню ОТДЫХАТЬ!

Доктору Мерцу было неудобно за этим столом. Ему было неудобно за всеми столами, потому что они не предусматривали позу, в которой ему было бы комфортно сидеть. В школе доктор был прогульщиком просто потому, что прямота школьных парт становилась для него орудием пыток. Не говоря уж об одноклассниках, подозрительно относившихся к людям с плечами разной высоты и разными глазами на не особенно симметричном лице. Впрочем, никто из одноклассников его не трогал, доверяя инстинктам, не желающим признавать в таком причудливом творении природы достойного конкурента.

Вот если бы правую ножку стола подпилить. Но тогда с него будет падать лампа и журнал.

– Ну, так вот как раз после этого отдыхать станет куда легче! – сказал Ваня почти жалобно. – А то ведь и побить могут. Тут никто не считает себя цивилизацией – по крайней мере, никто из тех, кого я знаю. Они верят в кикимор, домовых и неупокоенных солдат, оставшихся еще с войны и окликающих в лесу грибников.

– А зачем им окликать грибников? – живо заинтересовался доктор Мерц. С кабачками у него сегодня не складывалось.

– Я не знаю, – Ваня пожал плечами. – Это же ваши солдаты, немецкие. Может, шнапсу хотят.

Последний раз доктор Мерц был в Германии лет в пятнадцать, на похоронах отца. Едва ли он мог бы выступить в роли эксперта по особенностям менталитета своей родины.

– А они не поясняли, – продолжил лениво интересоваться он, – налить или выпить?

– Ну... – Ваня задумался. – Я бы с ними пить не стал. Во-первых, они не знают по-русски, во-вторых, фашисты, а, в-третьих, они все-таки мертвые...

– Ты тоже не живой.

– Не-е, – протянул Ваня, отмахнувшись, – к себе я уже привык, а вот к ним... мало ли что им в голову взбредет.

– На их месте я бы боялся того, что может взбрести в голову тебе! – рявкнул доктор, внезапно припомнив болтливость своего помощника. Теперь осталось только табличку на дверь повесить: «Доктор Мерц. Некромант. Отберем у души монополию вечной жизни».

– Последний год, – говорил доктор Мерц прошедшей весной, – цивилизация особенно активно пилит ветку, на которой по глупости повесилась еще пару столетий назад. Меня раздражает этот скрип. У тебя случайно не осталось домика в деревне?

Перед тем как покончить с собой от несчастной любви, Ваня действительно жил в деревне «Накурино», по границе которой и протекала речка с красными водорослями, навсегда поселившимися теперь в его волосах. И там у Вани действительно был дом, ныне пустующий.

Ваня погрузил пятерню в жесткие розовые волосы.

– Сестра в город переехала, – сообщил он, подумав, – можем поехать погостить.

– Сколько соток? – осведомился доктор Мерц деловито.

– Да гектар почти... и к речке выходит, я когда топился, помню, даже на улицу выходить не потребовалось.

– Удобно... – взгляд разных глаз некроманта подернулся вереницей мысленных картинок – кусты роз, кабачки, яблони и сливовый компот без примеси свинца. – Топиться я не стану, стану купаться. Только мне после утопленника лезть в воду не особо хочется.

– Да уж столько той воды утекло! – воскликнул Ваня. – К тому же там и пляж есть... в другом месте. Купим вам розовые плавки.

Доктор Мерц представил себя на пляже – в розовых плавках – и счел это несмешным.

– Все девки, – уговаривал его Ваня, – ваши будут, доктор!

– Идиот, – вздохнул доктор Мерц. – Что я с ними делать буду? На голову натягивать? А как твои прижизненные знакомые отнесутся к твоему появлению?

– Скажу, что я на самом деле не утонул. Они ведь не видели свидетельства о моей смерти. Для них я все еще значусь пропавшим без вести.

– Тогда я не понимаю, чего мы ждем.

И уже через неделю компаньоны оказались на заросшем участке с крепким домиком.

– Это я подремонтирую, – Ваня оглядывал почерневшие доски крыльца. – Плиту газовую поставим...

– А не подскажешь, где у вас был огород?

Огород, как выяснилось, перестал быть таковым еще при жизни родителей Ивана.

– Трактор здесь не пройдет, – бормотал доктор Мерц. – Ручной культиватор – не вариант... Разве только вот конь? Иван, вы знаете, где можно арендовать конь?

– Не знаю... Был у бабушки, – Ваня печально смотрел на закат. – Сдох давно. Такой старый был, что его даже на утильзавод волочь не стали... Закопали вон там, за помойкой.

– Целиком? – профессиональная настороженность доктора Мерца сначала ускользнула от Ваниного внимания.

– Ну да...

Ваня осекся. Его глаза, по еще не изжитой в посмертии привычке удивляться, становились все шире и шире.

Через полтора месяца ухоженная дача готова была принимать первых гостей.

Нельзя сказать, чтобы у доктора Мерца не было друзей. Друзья были. В основном, коллеги по цеху или корифеи сопутствующих специальностей: ведьмы, колдуны, священнослужители и ученые. И сейчас он решил пригласить своего заграничного коллегу мистера Беннара. Тот согласился.

Сначала было почти по-человечески. На столе стоял самовар, три чашки и бутылка водки. В приемнике звучали «Подмосковные вечера».

За столом сидели трое: Ваня, Доктор Мерц и заграничный коллега доктора Мерца – рыжий толстяк в синем свитере и джинсах.

– У вас многое... ик... поменялось, – говорил мистер Освальд. – А меня каждые десять лет на Кубу вызывают... я ихнего Фиделя уже третий раз воскрешаю... говорю – все, хватит, для здоровья это вредно, а они...

– Кушайте кабачки, – подтолкнул Ваня тарелку. – Свои. Не трансгенные, доктор Мерц лично проследил. У нас все экологично, ни капли бензина. Пашем лошадю.

– Лошадь, – вспомнил мистер Беннар, – ик... хорошая работа, коллега. Ничего, что немного зеленая...

– Это мох, – поморщился доктор Мерц. – Все-таки семь лет в земле...

– А как живой! – восхитился Беннар, наливая себе еще водки. – А как ржет! Хрипловато, правда, ну так в этом есть даже некоторый шарм... А в деревне к вам как э... относятся?

Мерц и Ваня переглянулись. Они не любили задаваться этим вопросом. Ваня здоровался со знакомыми, но говорил, что еще никто из старых друзей не приглашал его в гости. По этому поводу Ваня не очень расстраивался – его и раньше не особенно приглашали. Очень уж у него при жизни дурной характер был, хулиганистый.

Но на следующий день Ваня поговорил со старыми знакомыми, узнал, что их называют «парочка из столицы», и обиделся. И не сдержался.

В этот момент стало понятно, что цивилизация докатилась и в «Накурино», – продавщица местного сельпо и Ванина подруга детства, Татьяна Стыкина, восприняла странный род занятий господина Мерца всего лишь как очередную услугу на обширном рынке услуг.

– Ух ты! – сказала она. – Прямо так и выловил?

– Ага.

– И воскресил?

– Ага.

– С ума сойти! И ты теперь зомби?

– Ну, не такой, который пахнет и сорит кусками мяса, – заверил ее Ваня. – Нас называют «воскрешенными».

– А ты не боишься, что я кому-нибудь разболтаю? – хихикнула Татьяна. – Мужу, например?

– Муж тебе не поверит, – беззаботно сказал Ваня.

И муж действительно не поверил. Зато поверила подруга.

– Вот уже кого-то принесли черти, – вздохнул доктор Мерц. – Явно не с саженцами патиссонов... У вас что, помер кто-то?

Послышался скрип, а затем стук калитки.

– Это Венера, – сказал Ваня, глянув в окно. – Если у нее кто-то и помер, то я не в курсе.

– Может, все обойдется? – с надеждой сказал иностранный коллега, Освальд Беннар.

– Вряд ли, – со своим обычным оптимизмом предрек доктор Мерц. – Ты ей сказал? – обратился он к Ване.

– Ну... нет... вообще-то я говорил Таньке, но они подруги, хотя я взял с Таньки слово...

– Надо было тебе сначала вырвать язык, – обреченно прошептал доктор Мерц, – а потом воскрешать.

– Вань...

Венера делала большие глаза и говорила почти шепотом. – А этот твой... он правда... того?

– Если под этими невнятными характеристиками вы, сударыня, подразумеваете меня, то меня зовут доктор Мерц. Ансгар Фридрихович, если угодно, – отворив дверь, доктор Мерц вышел на крыльцо. – И я, смею вас уверить, вполне дееспособен.

Доктор Мерц излагал все это с унынием неизлечимого меланхолика.

– Ой, вы-то мне и нужны! – с истинно деревенской непосредственностью воскликнула девушка.

Доктор Мерц посторонился. Девушка, на его взгляд, была так себе – ширококоротая, мелкоглазая, нос приплюснут. Ну, и одета кошмарно: в мешковатую зеленую юбку и обтягивающую оранжевую футболку с надписью «Love». Зато глаза так щедро подведены зеленым, что доктору сразу вспомнился старый Буян, помогавший им с Ваней вспахивать огород да так и оставшийся стоять в сарае неупокоенным. Надо, кстати, нарвать ему сфагнума – теперь это его любимая еда.

– Ваня сказал – современная наука позволяет поднимать покойников? – девушка наивно моргнула, но тут же спохватилась и заверила: – Не бойтесь, я понимаю, все еще на стадии эксперимента, я буду молчать...

– Это называется «некромантия», – подсказал Ваня.

Девушка хихикнула.

– Почти «филия»... Это когда покойников...

– Если вы пришли сюда флиртовать с моим помощником, – громко сказал доктор, – то сначала пригласите его на свидание – и куда-нибудь подальше отсюда. Лучше всего – на пляж. У него есть новые розовые плавки, которые ему не терпится продемонстрировать...

– Нет, я же к вам пришла! – возмутилась девушка. – У нас беда стряслась, – убедившись, что все смотрят на нее, она важно закончила: – Сторожа в магазине вчера убили. Следовательно считает, что это Генка, он давно грозился. Евсеич у него со склада то морковь продаст как свою, то рыбу... Но это не Генка, – она поджала губу. – Я его знаю. Он бы не стал.

– Наша задача, если я правильно понял, – спасти невиновного Генку? – доктор быстро уловил суть. – Вы считаете, что сторож мог видеть убийцу?

– Ну да... – проговорила девушка почти беззвучно. – Вы... можете?

– Как вы себе это представляете? «По свидетельству покойного, подозреваемый не мог совершить преступление, в котором его обвиняют, потому что потерпевший утверждает, что его, потерпевшего, убил кто-то другой»?

– А если... если не убил?

Доктор Мерц тяжело вздохнул. Посмотрел на Ваню.

– Статьи за некромантию в Уголовном Кодексе нет, – напомнил Ваня. – Я только что новый читал.

– Я знаю. Введи девушку в курс моих расценок. И предупреди, что у покойников после воскрешения сильно меняется характер.

– А я заметила, – со свойственной ей бесцеремонностью Венера кивнула на Ивана. – Этот – полный идиот был. А сейчас даже буквы выучил!

– Ну-ну, – Ваня погрозил ей пальцем.

Развернувшись, некромант ушел в дом. Огласки он не боялся. Мало кто верил в него. А в его налоговой декларации значилось: «Оккультные услуги». Так что все выходило по закону. Можно было воскресить сторожа, спасти венериного драгоценного Генку и вернуться к своим кабачкам.

– ...И все мы сегодня скорбим о рабе Божьем Николае...

– Он атеистом был! – крикнули из толпы. На кричащего тут же зашикали – мало ли кем кто был, процедура одна для всех. Теперь ему один хрен все равно.

– Ага, атеистом, – отозвались из другой части толпы. – Алкоголиком он был... и бабником. Правда, когда стакан поднимал, говорил: «ну, с Богом»...

Теперь зашикали в другой части толпы. Всем не терпелось начать уже главное – поминки, и отходную попросили читать быстрее.

– Три часа, – негромко сказал доктор Мерц, обращаясь не то к Венере, не то к Ивану. Ваня на всякий случай кивнул, а Венера хлюпнула носом.

По традиции полагалось перед погребением поднести покойнику стакан водки и кусочек черного хлеба.

– Мы всегда будем помнить тебя, Николай Евсеич, – солидный мужчина в драповом пальто медленно прошествовал к украшенному цветами гробу. – Пусть земля тебе будет пухом!

Ансгар Мерц покосился на Ваню. Он впервые видел, чтобы на лице его помощника – натуры очень светлых помыслов – отражались столь темные мысли.

– Это лабазник Корней Савельевич, – охотно прошептала ему Венера на ухо. – Он тогда у Ваньки Маринку отбил, сволочь!

Между тем Корней Савельевич приблизился к гробу и аккуратно поставил свои приношения на специальный столик рядом.

– Вечная память! – воскликнул он трубно.

– Вечная память! – нестройно повторила истомившаяся толпа.

– Вечная, – проскрипел покойник, садясь в гробу, словно дитя в колыбели. Протянув руку, он схватил стакан, опрокинул внутрь, крикнул и потянулся за хлебом.

Толпа охнула и отшатнулась.

Что тут началось!

– Свят-свят-свят, – закричалась Венера.

– А ты-то чего? – буркнул Ваня. – Ведь видела...

– Так все равно страшно!

Было действительно страшно, тем более что венчик с расколотого черепа воскрешенного сразу слетел, а волос у него было негусто.

– Я всегда говорила, – раздался голос из толпы, – брешут врачи! Такого топором не убьешь!

– Ура, товарищи! – воскликнул бывший председатель Накуринского колхоза «Красный Накур», почетный пенсионер, фамилии которого Ваня не помнил.

Все закричали «Ура».

Беннар, стоящий поодаль, невозмутимо писал в блокноте.

– Ах ты, сволочь! – крикнул вдруг кто-то. – Все еще жив! А ну отдавай канистру!

– Ой, мамоньки, – запоздало заголосили бабы.

Покойный между тем выплюнул то, что набрал в рот.

– Паленая водка! – крикнул он. – Не могли нормальной налить! Думаете – раз покойный, то все можно, да? Ну уж, дудки...

На лице некроманта внезапно отразилось самое настоящее страдание.

– Что это с вами, Ансгар Фридрихович?! – тут же спохватилась Венера.

– Никакого уважения к смерти, – прошептал бледный доктор Мерц. – Никакого.

... Два дня Ваня откармливал шефа протертыми кабачками и парным молоком с ближайшей фермы. Генку обещали назавтра выпустить. Николай Евсеевич сказал, что на его жизнь покушался топором пьяный лабазник, и того забрали под следствие.

А на третий день снова прибежала Венера.

– Ансар Фридрихович! Ансар Фридрихович! – закричала она с порога. – Там... Николай Евсеевич... его, блин, опять убили, похоже... Не знаем кто! Но на этот раз врач говорит – точно помер. А следователь из прокуратуры приехал – говорит, у всех стопроцентное алиби! И у Генки тоже – они там, в тюрьме его паспорт потеряли, только сегодня нашли, даже не выпустили еще, так что он тоже ни при чем... лабазника тоже выпустили. Бабы говорят – неудивительно, что Евсеича доби́ли. Видимо, не у одного человека повод бить-то его был. Так уж он всех достал...

Венера говорила и говорила. Ансар Фридрихович откинулся на подушки и закрыл глаза. Открыл их, только когда девушка покинула дом.

– Ваня, – велел он слабым голосом, – мне надо с Беннаром поговорить. Он сегодня уезжает...

Освальд только что вернулся из леса с корзинкой лисичек и пребывал в самом благодушном настроении.

– Прекрасная работа, коллега, – похвалил он доктора, поправляя ему подушки. – Просто прекрасная. Зря вы так переживали! И невинного человека спасли, и воскрешенный вовремя представился...

– Освальд, – обвиняющим голосом произнес доктор Мерц, – зачем?

Освальд оставил подушки в покое и посерьезнел.

– Меня не допрашивали, – сказал он. – Я иностранный подданный. И вообще сегодня уеду.

– Это я понял, спасибо, – съязвил доктор и сел на кровати. – Начерта ты?..

Освальд потупился.

– Я догадался, – объяснил доктор, – по своему чемоданчику. В нем все было на месте. Сторожу было сорок пять, и он бы прожил еще столько, если бы не специальный яд. Яд был только у меня и у вас. Мой остался нетронутым. Следовательно?..

Освальд Беннар вздохнул.

– После воскрешения Николай стал трезвенником, – пробурчал он. – Но это еще не все. Он стал... как это у вас называется... агитировать за здоровый образ жизни и до всех доматываться. Ну, излишне общительным. Я зашел в магазин за мясом – он начал мне рассказывать, что я не то ем. Полчаса распибался – они же не устают, мервецы-то! А я, знаете ли, интроверт. Вот я и подумал, что раз он все равно уже умер, то по Кодексу я имею право вернуть его в то состояние, из которого он был вами извлечен. Простите, если я невольно нарушил ваши планы...

– Нет, что вы, доктор Беннар, – Ваня аккуратно вывел иностранца из комнаты, по большой дуге обогнув доктора Мерца, пребывающего в странном, очень странном настроении. – Зато теперь все будут с уважением относиться к смерти... да, с уважением. Как и подобает. Доктор Мерц будет доволен, поверьте мне.

Глава 3. Душа Генциана

– Дорогие дети! – голос учительницы просто лучился счастьем. – Сегодня мы приготовили вам сюрприз!

Дети перестали кидаться стульями. Вовочка даже остановил ладонь, поднятую над перекинутой им через собственное колено рукой Машеньки. Дети любили сюрпризы.

– На этом уроке, – с еще большим ликованием в голосе продолжила учительница, – нас ожидает встреча с удивительным, талантливым и, конечно, всем хорошо известным человеком – Джеком-Потрошителем! Джек научит вас, как правильно выслеживать жертву, покажет ее анатомию, научит уничтожать улики и обманывать полицейских, пуская их по ложному следу!

– А когда будут террористы? – спросила Машенька, выдергивая руку из рук Вовочки и показывая ему язык: мол, не успел – значит, опоздал. – Обещали календарики с террористами! «От Герострата до наших дней!»

Учительница вздохнула.

– А ну-ка, Машенька, назови нам, каких ты знаешь террористов?

Машенька бодро начала:

– Засулич, Равашоль, Каракозов, Карье, Хабаш, Таллиен, Аль-Нассер, Атеф, аль-Завахри, Гайлани, Басаев, Радуев, Шарипова, бен-Ладен, Качинский, Умаров, Брейвик...

Ваня проснулся и сел на своем коврик. Воскрешенному редко снились сны – видимо, мозг в них не нуждался. Но если что-то производило на него сильное впечатление, то эхо жизни, блуждавшее в его душе, долго этим впечатлением питалось. Вот и сейчас – не следовало смотреть вечером телевизор. Сюжет о лидере предвыборной гонки бизнесмене Павле Мухоротове, приглашенном в одну из московских школ, дабы научить детей заниматься бизнесом, не прошел даром. Неупокоенный мозг (или чем там думают бывшие люди?) воспринял эту новость неадекватно. Или наоборот – адекватно?

Джек-Потрошитель. Надо же. Террористы.

Деревенская жизнь слишком размеренна и спокойна, вот оно что. Когда самой большой трагедией становятся пятна гнили на кабачках, не только людям начинают сниться кошмары. Чтобы хоть чем-то их занять и отвлечь от рутины.

Ваня взглянул на ночное окно.

Дождевые капли прокладывали по стеклу длинные дорожки. Даже сквозь закрытую дверь было хорошо слышно, как с неба лупит по висящей на калитке гулкой жестяной кастрюле. Господин Мерц определил кастрюлю на этот пост после того, как однажды к нему среди ночи через забор вломились три пьяных подростка, подрали в огороде морковку и потоптали хризантемы. Теперь подростки не смогли бы повторить свой подвиг: при малейшем колебании забора кастрюля падала и громко катилась по выложенной булыжником дорожке, будя по всей округе не только собак, но и их хозяев.

Иногда кастрюля падала просто так – от ветра или когда к части забора, выходящей на главную улицу, приваливался пьяный сосед Генциан Виолетыч. В прошлом химик-технолог, сосед ныне пил почти каждый день и жаловался на буржуев, продавших куда-то там Россию.

– Не думаю, – сказал ему однажды Ваня, – что, окажись на их месте любой из большинства людей, эту Россию населяющих, он поступил бы иначе.

Правда, одернул он себя мысленно, есть у нас шеф, доктор Мерц... он, наверно, удумал бы что-нибудь экзотическое. Или нет? Это здесь, в обывательском обществе кажется, что он необычный человек, а там, где прокрустово ложе власти отшибает всё человеческое вместе с необычным, он мог бы стать другим. Даже, возможно, выпрямился бы, обрюзг. «Меня

взяли править миром!» – читалось бы в его помутневших от мерзости глазах. Но есть аргумент против этого – он немец. А немцы в древности правили Россией лучше, чем русские. Правда, доктор Мерц не древний немец, а вполне современный. Да и Россия не та, что в древности. Вряд ли он ее такую сильно любит, чтобы править.

Пока Ваня перебирал свои мысли о шефе, Генциан Виолетыч внезапно протрезвел, посмотрел на Ваню и покачал головой. Он явно не думал о немцах, а если и думал, то, скорее всего, о каких-нибудь фольклорных, попадавших в анекдотические передраги в компании поляков и русских.

Тут Ване почему-то стало стыдно, и больше он с соседом не спорил. Мало ли. А вдруг тот – великий человек, но скрывает это в глухой деревне под слоями самогонки? Вдруг он действительно способен выкупить Россию назад?

Великий же человек, раза два обрушив кастрюлю, потерял доверие к Ваниной ограде и полюбил припадать к собственной. Та, поскрипев и пошатавшись, мягко рушилась внутрь. По трезвому делу Виолетыч свой забор чинил. А потом напивался и валил опять.

– Сегодня Вселенная сингулярна, как лента Мебиуса, – замечал в этих случаях господин Мерц, повернувшись в сторону сочащегося в окно тусклого мира. – Не знаю, какому идиоту пришло в голову, будто в ней есть прогресс. Из моего окна, например, вечный вид на энтропию.

– Кстати, – не далее как вчера спросил Ваня, – а как вы с ней боретесь? – И, в ответ на недоумение, всплывшее в неравнозначных глазах шефа, уточнил: – Как это выглядит технически? Вот перед вами мертвец... вы возвращаете ему душу? Но ведь это не так... моя память, например, осталась со мной, и я чувствую так же, как и раньше, но ко всему отношусь немного иначе. Я уже догадался, что у меня нет тех гормонов, которые обычно у людей, но память о том, как они работают, осталась, и тело следует ей. А что же тогда душа, Ансгар Фридрихович?

– Душа берется ближайшая свободная, – невозмутимо отвечал некромант. – В этом самый главный обман нашей профессии.

– Значит, я – это уже не я?

– Отчего же? Эго, твое драгоценное самосознание осталось твоим. А вот будь ты поэтом или певцом – пришлось бы доживать без песен. Или пел бы старые.

– Неправда! – возмутился Ваня. – Я вчера песню во сне сочинил:

«Понимаю, это стремно, очень стремно,

Но такой уж я запущенный чувак...»

– Ты как раз не понимаешь, – оборвал его доктор Мерц, – НАСКОЛЬКО это стремно. Это может сделать некроманта инвалидом. Или утащить его на другой слой бытия.

Он склонил голову, словно сожалея о том, что ЭТО его до сих пор не утащило.

– И вы каждый раз... рискуете? – поразился Ваня.

– Нисколько, – ответил доктор, подмигнув меньшим из своих глаз. – Мне, как видишь, с самого начала было нечего терять.

– Как много можно узнать о мироустройстве после смерти... – задумался Ваня. – Значит, личность – это не одно целое?

– Разумеется, нет, – доктор Мерц сделал такое лицо, словно объяснял это не первый год. – Это как с материей. С виду она одно целое, но внутри часто собрано несочетаемое. Если что-то рушится...

Словно иллюстрируя это утверждение, с забора в очередной раз загремела кастрюля. Дачники посмотрели в окно. У калитки стояли два хилых подростка, с опаской присматриваясь к пируэтам упавшей посуды.

– Значит, когда человек умирает, он теряет только эго? – продолжал допытываться Ваня. – А его душа...

– Присоединяется к э... мировому эфиру, – доктор Мерц тоже наблюдал за подростками, из последних сил надеясь, что они не войдут. – Частично. Потом – полностью.

– А если вы ее ловите и вкладываете в кого-то?

– Он становится воскрешенным. Но – немного другим. Это как лотерея.

Посетители – парень с рюкзачком за спиной и блондинка с березовым посохом – все же решились отворить калитку, повесить кастрюлю на место и осторожно подойти к самому крыльцу.

– Здравствуйте! – крикнули они дуэтом. – Здесь есть кто живой?

– Всего один, – радушно улыбнулся Ваня, отворяя им внешнюю дверь. – И это не я.

– Здравствуйте, – еще раз бодро сказал юноша. – Мы собираем легенды здешнего края.

Девушка рядом с ним энергично кивнула. Потом, увидев в глубине комнаты задумчивого доктора Мерца, воскликнула:

– И вы здравствуйте!

– Здесь позакопаны немецкие солдаты, – вспомнил легенду стоящий за их спинами Ваня. – Они окликают грибников. А больше я ничего не знаю.

– А нам, – юноша сверился со своими записями и повернулся к нему, – сказали, что здесь еще лешие водились.

– Может быть, – пожал Ваня плечами.

– Мы уже были в Старых Сметанах, – отрапортовала молодежь. – Там только про святых рассказывают. А это все явно выдумки... Может быть, вам известно что-либо достоверное?

– Про святых? – уточнил доктор Мерц. – Вряд ли.

Девушка пригорюнилась.

Неподалеку от «Укурино» было две деревни – Старые Сметаны и Малые Сметаны. Судя по отсутствию каких-либо исторических упоминаний о Больших Сметанах или Новых, названия придумывал глубокий пессимист. Неудивительно, что ребятам с ними не повезло.

– А про призраков, – заинтересовался Ваня, – вам рассказывали?

– Призраки существуют! – горячо заявил следопыт. – Ладно, если что-нибудь вспомните – звоните!

И, положив на подоконник в качестве визитки неровный обрывок тетрадного листа, искатели откланялись.

– Ансгар Фридрихович, – продолжил Ваня, – а почему я, допустим, не вурдалак? Они же тоже мертвые.

– Потому что ты идиот, – заметил Мерц почти весело. – У вурдалаков и им подобной нечисти как раз нет души, а есть эго. Есть воспоминания о том, что душа когда-то была. Поэтому они пытаются ее добыть, зная, что материальным ее носителем является кровь. Нечто подобное – если ты еще помнишь себя живым – происходит при гиповитаминозе: человек предается обжорству, но не может насытиться. У живых тоже бывает вурдалачий синдром, но им не приходится утолять его кровью. А души их хватает только на то, чтобы не умереть сразу. Люди становятся злыми, жадными и морально больными. Обычно они сразу идут в политики.

– А вы их видели? – продолжал любопытствовать Ваня.

– Больше, чем хотелось бы, – Ансгар Мерц невольно бросил взгляд на старый поломанный телевизор, который смотрела еще Ванина бабушка.

– Не политиков! – возмутился Ваня. – А вурдалаков!

Доктор Мерц устроился на диване, даже позабыв подосадовать на то, что ему, в силу своей причудливой конституции, приходится часто менять позы.

– С великим удовольствием, – проворчал он, – посмотрел бы на что угодно, вместо того чтобы любоваться политиками... Но, увы, равнодушная природа вместо нормальных человеческих вурдалаков подсовывает нам трудноперевариваемую дрянь. Я думаю, что они существуют даже не теоретически, как бозон Хиггса, а и вовсе метафорически... Как доведенные до гротеска аберрации социальных отношений.

В последний набор слов Ваня решил не вникать, а вот бозоном заинтересовался.

– Но бозон – его же, вроде, нашли...

– Вурдалаков, вроде, тоже находили неоднократно, – парировал доктор Мерц, – и тем не менее, мне не хотелось бы думать, что помимо политиков существует еще какая-то дрянь с похожими пристрастиями.

Доктору Мерцу не снилось ничего, а как только попыталось присниться, с забора снова упала кастрюля.

На улице все еще шел дождь, и доктор справедливо рассудил, что вряд ли явились давешние подростки, – в такую погоду даже они сидят дома. Пьют, колются или что-нибудь нюхают. Или спят – должны же они спать когда-нибудь тоже.

Поэтому Ангар Фридрихович не стал вставать, а только чуть отодвинул занавеску.

И понял, что кастрюлю придется поднимать самому.

На калитке повис совершенно безвольный человек. Его черный, расплывающийся в летней ночи силуэт был неподвижен и вертикален, однако по всему выходило, что вертикальным ему осталось быть недолго.

– Пьянь вонючая, – бесстрастно выругался господин Мерц и встал с кровати.

Набросив на пижаму старую, висевшую в прихожей еще со времен Ваниных родителей плащ-палатку, доктор вышел на крыльцо. Сквозь ливень опознать вторженца было трудно, но кому тут висеть, кроме Генциана Виолетыча? Выходить не хотелось, но доктор Мерц знал, что будить воскресенных ночью – это почти как воскрешать их снова: дело долгое, проще самому спихнуть соседа в ближайшую лужу.

Никакой жалости, терпимости, а уж тем более – солидарности к пьянчужкам и прочим опустившимся личностям доктор Мерц не испытывал. Они родились правильными, с нормальным позвоночником, нормальным скелетом, а многие даже с симпатичным лицом. Он же родился кривым уродом. У них была масса возможностей. У него – только одна, и та сомнительная. Но это они лежат под забором, а не он. Какого рожна спорить с людьми, которые ненавидят и презирают сами себя? Можно только поддержать их в их ненависти и презрении. Кроме того, он был уверен, что эти люди, как и вурдалаки, питаются чужой жалостью.

Поэтому, подойдя к калитке, доктор Мерц брезгливо ткнул в корпус повисшего соседа захваченным у крыльца черенком от грабель.

Алкоголик Генциан покачнулся и опрокинулся навзничь, громко чвакнув спиной в лужу.

Опустив грабли, доктор Мерц задумался. Более того – его профессиональное чутье, проснувшись, с отвращением констатировало: Виолетыч совершенно не пьян. Он трезв. На лицах пьяных не бывает такого ужаса.

И еще он только что умер. Даже не оконченел еще. Пришел к их калитке, обрушил кастрюлю и беспардонно очоурился.

Жалея о своем врожденном уродстве, Ангар Фридрихович всегда находил утешение в одном: он не родился, по крайней мере, женщиной. Потому что родись он ею, ему пришлось бы сейчас визжать, а раз он какой-никакой, а все же мужик, можно убрать покойника из лужи и идти спать дальше, потому что завтрашний день обещает быть тяжелым.

Оглядевшись, доктор Мерц поймал себя на желании оттащить труп на его, трупа, собственный участок и оставить там, сделав вид, что так и было. Тогда, по крайней мере, приехавшие полицаи не помнут молодых кустиков спиреи.

Зажав своей совести рот, некромант взял и за это желание себя похвалил. Правильно. Человек он не светский, делать себе имя на пребывании в полицейском участке ему нужды нет, тем более что народные массы его вряд ли поддержат. Не верил он в народные массы. Даже в вурдалаков готов был поверить, но в массы, особенно народные – не стал бы. Тем более – кусты. Кусты должны жить, они не алкоголики какие-нибудь.

Наклонившись над трупом, он вытащил из его руки намокший клочок бумаги, отдаленно напоминающий «визитку» собирателей историй.

– Ансгар Фридрихович? – Иван, как оказалось, тоже проснулся и теперь стоял у некроманта за спиной, вглядываясь в темноту. – Мне сегодня снился Джек—Потрошитель, которого пригласили в школу для встречи с учащимися. А куда вы смотрите?

– Вниз. Там Генциан в луже, – ответил доктор Мерц, придерживая калитку свободной рукой. – Помер безвременно – то есть позже, чем должен бы был. Отнеси его в его дом. Завтра полиция приедет, будет спрашивать... ну их.

Когда Ваня взвалил Генциана на плечо и удалился, доктор Мерц вернулся в дом, включил прикроватную лампу и расправил бумажку. Косым летящим почерком на ней было выведено «НОВЫЕ СМЕТАНЫ». И восклицательный знак.

Зевающий участковый записал показания соседей – доктора Мерца и Ивана – и удалился в дождь. Танька, единственная Генцианова родственница, тоже собралась попрощаться.

– Врач сказал: допился Генка, – вздохнула она. – Ну, давно пора было...

– А ты не знаешь, – внезапно спросил Ваня, – где Новые Сметаны?

– Новые? Это у бабки Венериной, Серафимы, надо спросить. Говорила, что такие в окрестностях были. До войны еще. Даже до революции. Их еще большевики переименовали в «красные». Представляешь, бред какой – красные сметаны!

И Таня ушла, хохоча.

Проследив направленный ей вслед взгляд шефа, Ваня спросил:

– Ансгар Фридрихович, а сколько вам лет?

– Двадцать три, – ответил некромант. – А что, выгляжу младше?

– Да нет, старше...

– Спасибо. Впрочем, мне обещали, что я и до пятнадцати-то не доживу... Видимо, те же врачи, что сочли причиной смерти нашего соседа отравление алкоголем.

– А от чего же он помер, по-вашему?

– От инфаркта. Только алкоголя он в тот день не пил, потому что ходил далеко. Чего-то он там, вдалеке, очень сильно испугался. И в итоге умер со страху. Только предсмертную записку успел написать. Вот, смотри.

Бабка Серафима сказала, что от Красных Сметан осталось урочище, заросшее молодым лесом. До него быстрым шагом дошли за три часа. А вот по бывшей деревне Ансгар Фридрихович шел медленно, огибая едва различимые под ногой обомшелые останки фундаментов.

– А здесь у них колодец был, – наклонился он над растрескавшимся бетонным кольцом. Голос его теперь звучал гулко, словно из-под земли. – Посвети вниз, ничего не вижу.

Ваня вытащил фонарик. В этот момент некромант отпрянул, дернулся. И Ваня не рассчитал движения.

В случае с обычным человеком достаточно было бы отвести фонарь немного в сторону, и он остался бы в руке. Но доктор Мерц в силу своей перекошенной конституции как раз в сторону и дернулся.

– Там вода, – хладнокровно сообщил он, когда фонарик булькнул. – А вокруг нее большая могила. Прямо тут, на урочище. Серафима говорила, что, после того как немцы сожгли село, пришла Красная Армия. Наверно, тут она их всех и закопала, сочтя это удачной мыслью.

Неподалеку нашлось свежее кострище. Господин Мерц поднял с земли маленький блокнотик с желтыми страничками.

– Не раскис, – размышлял он вслух, – а дождь был ночью... когда Гена пришел и умер, дождь как раз кончился...

– До Укурина семь километров, – сказал Ваня. – А дождь прекратился минут за пять до визита. Я знаю, я в окно смотрел.

– Возможно, здесь и не было дождя, – Ансгар Фридрихович осмотрел угли. – Видишь, золу с углей не смыло... хотя земля влажная. Значит, дождь был примерно третьего дня, а потом пошел у нас. И Генциан явился отсюда. Он тут кого-то ждал, и этот кто-то принес ему выпить. Видишь, бутылка полная...

Неподалеку хрустнул валежник.

– Здравствуйте!

Два подростка – один с рюкзаком, другая с посохом – стояли на заросшей тропке с букетом полевых цветов.

– Ну что, – весело спросил их Ваня, – много легенд собрали?

– Одну большую, – кокетливо улыбнулась девушка. – Кстати, меня зовут Ника. А вас?

Вопреки всему, что можно было бы предположить, обратилась она к доктору Мерцу.

– Меня Ансгар, – ответил тот, не отводя глаз. Секунду они смотрели друг на друга, а потом девушка чуть улыбнулась и переключила внимание на Ваню.

«Ведь он ее старше всего на каких-нибудь пять лет» – подумал Ваня. «А меня так и вовсе младше! Тот случай, наверно, когда год идет за два».

– А меня Ваня зовут, – сказал он. – Я местный.

Спутника девушки звали Кирилл.

– Когда-то, – начал он свой рассказ, – здесь закопали всех немецких солдат, погибших при отступлении в 43-м. Деревня была сожжена, в ней вырыли яму и побросали их туда. А через много лет после войны, когда заключили мир с Германией, невеста одного из немцев – ее звали Матильда – узнала, где похоронен ее жених, и явилась сюда его искать. Ей показали эту деревню. Так вышло, что она здесь и осталась. Местные жалели ее, подкармливали, но в скором времени она двинулась головой. Много лет она ходила по этим руинам, выкрикивая имя своего возлюбленного Эрлиха, но он, само собой, не откликнулся. Ее все знали, звали «тетя Мотя». А в двадцати километрах отсюда была зона, из которой сбежали два зека... и они эту тетку убили – думали, раз она их видела, то выдаст. Но это их не спасло, их трупы нашли на главной улице в Укурино. Дошли и померли. Вроде бы со страху. Только успели сказать, что тетю Мотю убили, но ее труп так и не нашли. Говорят, что до сих пор она ходит, ищет своего Эрлиха.

– Она сама, что ли, поднялась? – тихо спросил Ваня доктора Мерца.

– Так не бывает, – отрезал тот.

– А как бывает?

– Не знаю! – рявкнул доктор. Он не любил, когда кругом происходит что-нибудь, что он, с его степенью доступа к мистическим тайнам, не мог объяснить. – Следовательно, лишен возможности строить предположения.

– Жаль, – сказала Ника. Она не совсем поняла, что именно они имели в виду, но поняла, что расследовать легенду придется самим. А дачники вернутся к своим огородам.

На следующее утро кастрюлю на заборе летней резиденции доктора Мерца обрушили в восемь утра.

Возле участка, почти въехав в забор, припарковался белый «мерседес-бенц». Из его задних створок вылез врач в белом халате.

«Неужели за мной?» – испугался Ваня. – «Кто им рассказал?»

В следующий момент из тех же створок вылез человек в тренировочном костюме и начал озираться. Его лицо выглядело желтее обычных человеческих лиц, но осталось узнаваемым. Ваня даже икнул от удивления.

«Неужели дети в школе его так довели?» – подумал он с ужасом. – «И правильно, нечего по школам шляться!»

За забором стоял бизнесмен из телевизора Павел Мухоротов. Через секунду бизнесмена почти вырвало, и он повалился на руки своих телохранителей. Потом, правда, выпрямился, огляделся снова и пошел к дому самостоятельно.

– Я писал вам, – пробормотал он, тяжело опускаясь в кресло. – Вы не отвечали. С трудом раздобыл адрес у друзей. Понял, что не приедете. – Он поднял голову и посмотрел на доктора Мерца. – Воскрешение требуется, док. Очень требуется. Вы ведь не шарлатан, я правильно понимаю? Я хочу это видеть.

И улыбнулся – видимо, привык держать людей в напряжении, – но улыбка тут же увяла. Все-таки он был не совсем здоров.

– Считай вы меня шарлатаном, – совершенно не напрягся господин Мерц, – вы бы ко мне не приехали.

– Мне сказали, вам можно доверять. В самых, – он повел глазами к потолку, – уважаемых кругах. Ну, вы понимаете...

– Понимаю. И, хотя я не особенно уважаю упомянутые вами круги, в данном случае они вам не наврали. Я – некромант. Воскрешаю мертвых. Вы привезли труп?

– Труп будет, когда я умру, – натужно покашлял Мухоротов. – Скоро уже. А дела не доделаны, – вздохнул он. – Дочери еще три года учиться. Сына надо устроить, деньги платить... ну, понимаешь... жена молодая – дура, не станет это делать. Дети не ее. А я переживаю. С деньгами разобраться надо, через полгода – открытие...

– Позвольте, а что же с вами? – поинтересовался Ваня.

– Что-что, – нелюбезно буркнул миллиардер, но, как видно, ждал этого вопроса. – Лучевуха. Хотел одному тут услугу оказать... Ну, мешается тут один... Конкуренция, то да се... Стюард бутылки перепутал. С полонием и еще какой-то хренью, – он устало улыбнулся. Видимо, все еще чувствовал себя опасным. Говорят, чем более опасным для окружающих считает себя человек, тем он успешнее. – Дебилы, короче.

– Это нетрудно, – кивнул Ансгар Мерц. – Как умрете – дайте знать. Если обернетесь за сегодня, будете целее после воскрешения. Если позже – я сниму с себя ответственность за ваш внешний вид. Лучевая болезнь, насколько мне известно, человека не красит.

Ваня так и не понял, шутит Ансгар Мерц или говорит серьезно.

Бизнесмен же отреагировал на деловой тон с привычным спокойствием. Однако, поймав себя на этом, тут же захихикал.

– Ха! – и закашлялся. – Вот что значит немчура... никаких тебе сантиментов... так и надо. Это наши все, свинобыдло слюнявое, все «русский народ», «великий народ»... а какой он великий? Его только дубиной...

– Простите, – прервал его Ваня, распечатав текст договора и протягивая клиенту, – Ансгару Фридриховичу не хотелось бы вас задерживать. В интересах собственного здоровья. Вы ведь наверняка излучаете. Что-нибудь.

Господин Мухоротов кивнул.

– Излучаю, – сказал он почти самодовольно. – Давайте ваш контракт. А то не хватало еще, чтобы некромант помер раньше, чем я воскресну, хе-хе...

– Должен вас предупредить – после воскрешения у вас может измениться характер, – сказал доктор Мерц и, недружелюбно улыбнувшись, вдруг спросил: – Вас не пугает перспектива стать, как вы тут остроумно выразились, э... «свинобыдлом»?

Поймав взгляд некроманта, Мухоротов нахмурился.

– Не говорите ерунды, – сказал он с привычной, видимо, ему жесткостью. – И вообще, я не пойму: мы с вами сотрудничаем или вы... что-то перепутали?

Охранники насторожились. В комнате даже стало темней, потому что один из них загородил окно.

– Если я что-то перепутал, – доктор Мерц не отводил взгляда, – некому будет вернуть вас в этот мир. Если, конечно, вы все еще собираетесь из него... то есть, в него возвращаться.

Мухоротов откинулся в кресле.

– Главное, чтоб у вас получилось. Чтобы я вернулся и выполнил свои задачи.

– Вы их выполните, – заверил его доктор Мерц. – Гарантии этого есть в договоре. Дополнительные пожелания?

– Нет. Давайте действительно подпишем и пойдем... А что за пункт: «Клиент обязан предоставить мертвое тело или хотя бы мощи»? Как же я вам их предоставлю, если я буду мертв.

– Тут есть поправка, – серьезно ответил доктор Мерц. – «Клиент или его доверенные лица». Ваши доверенные лица должны будут предоставить нам ваш свежий труп.

– Я вам не верю, – нахмурился делец. – Я же не смогу проконтролировать процесс, если буду мертв. А вы сможете меня обмануть.

– Предлагайте свой вариант гарантий, – господин Мерц пожал плечами.

– Я требую демонстрации, – сказал бизнесмен. – Покажите мне, как вы воскрешаете покойников.

– Но у нас сейчас... – начал было Ваня, но господин Мерц поднял палец.

– Сегодня вечером, – кивнул он. – Сегодня вечером мы воскресим очень давнего покойника. Однако вам придется довольно много идти по лесу. Ваше здоровье это позволит?

Глаза Павла Петровича Мухоротова заблестели почти здоровым блеском.

– Конечно! Покажите. И тогда я подпишу контракт. Баблом не обижу, не бойтесь.

После того как машина посетителей отъехала от калитки, доктор некоторое время молчал. Ваня ждал слов, но не дождался.

– Какой удивительный человек, – сказал он, пробуя почву. – Был бы жив Генка, нам не пришлось бы ждать его кончины. Щас бы уже и начали.

– Просто дурак, – ответил доктор Мерц. – Полоний – альфа-излучатель, и чтобы облучиться, его надо съесть или потрогать. Но прежде еще и найти где-то, что нелегко. Странно это все. Или он думает, что его убьют?

– Просто он привык считать себя опасным, – подумав, объяснил Ваня. – И вы его не переубедите. Это ему для успеха надо. Психологи говорят, что это убеждение всегда помогает. Если... ну, если не увлекаться.

– Если не увлекаться, ничего не добьешься, – буркнул Ангар. – И в школу тебя не станут приглашать вести семинары. Кастриюлю повесь на место.

Ваня вышел, но дойти до кастриюли не успел – в калитку вбежала Ника. Теперь она была без посоха. Бандана с головы тоже слетела, и во все стороны торчали короткие светлые волосы.

– Там! – закричала она, – Кирилл... мы только что вернулись с Новых Сметан... говорит, на него напали, стали душить... то есть, он почти не может говорить. А у них тут ближайшая больница – в пятидесяти километрах, и у них всего одна машина «скорой»...

– Кто напал? – спросил Ваня.

– Он не видел... Мы разделились с ним, но я была недалеко, прибежала. Тот, кто душил его, испугался меня. Я не знаю, что делать, пожалуйста...

Она снова смотрела на Ангара, и Ване показалось, что отчаяние, плеснувшее из ее глаз, заставило того смутиться. Не любил он отчаяния. Не любил необратимости.

– Ваня, посмотри в контракте номер Мухоротова, – скомандовал он, не поворачивая головы. – Он там с собой полный терапевтический набор возит. Наверняка еще далеко не успел уехать. И дай мне мой мобильник, я сам буду с ним говорить.

– Думаете, он согласится? – Ваня принес Ангаров мобильник.

– Думаю, да. Мне кажется, я знаю, чего он хочет на самом деле, – нижняя часть лица господина Мерца пыталась улыбаться, а взгляд туманил глубокий, скорбный, но невероятно сильный азарт. В такие моменты Ваня радовался, что уже умер и никогда не сможет чувствовать что-то подобное.

Пожелтевший Павел Петрович слегка шатался, но держался неплохо. Ване даже стало его жалко. Перед выходом попросил водки. С собой у него не было, а магазин к тому времени уже закрылся. Конечно, можно было поискать в деревне самогонки, но Ваня просто сбегал в незапертый дом покойника Генциана и принес так и не дождавшуюся хозяйина заначку.

Со словами «выпейте за упокой души владельца» он отдал водку Мухоротову, и они загрузились в «Мерседес», чтобы хоть часть пути Павлу Петровичу не пришлось идти пешком. На выезде из Укурино подобрали любопытную Татьяну, и доктор Мерц почему-то не возражал против ее присутствия.

По дороге Ваня пытался вызнать, что задумал его патрон, но тот отмалчивался. Только перед самым урочищем, поотстав от всех, некромант оглядел темнеющий лес и пожаловался:

– Дерьмовым все-таки делом я занимаюсь. Вот, сегодня Кирилла спас, как обычный врач, и понял, как тоскую по врачебной практике.

– А сколько обычных врачей хотели бы, как вы! – воскликнул Ваня.

– И на свете ходило бы еще больше мертвецов, служащих маньякам вроде меня, – фыркнул некромант.

– Ну и пожалуйста, – обиделся Ваня за мертвецов, – вы и сами – не прекрасный принц. – По опыту он знал, что подобные замечания очень быстро возвращают шефа из покаянного настроения на твердую землю.

– Зато я никогда не утоплюсь от несчастной любви, – парировал шеф.

– Кто знает, – не сдавался Ваня. – Пруд все еще не высох.

– Невероятный кретин, – почти с восхищением сказал доктор Мерц, и его молчаливая покаянная грусть сменилась не менее молчаливой целеустремленностью.

– Стойте здесь, – сказал некромант и медленно захромал к одному из почти пропавших фундаментов. – Ваня, ставь свечи. Здесь нет ветра, поэтому должно получиться. Павел Петрович может присесть или даже прилечь. Его сегодня ждут новые впечатления.

– Какие? – спросил Мухоротов, присаживаясь на бревно.

– Я попробую воскресить человека, похороненного здесь больше полувека назад. Его зовут Эрлих.

– Почем мне знать, не спрятал ли ты его где-нибудь? – усомнился Павел Петрович. – Вы великие фокусники...

– Он подойдет к вам, – кивнул Ансгар в знак признания сомнений клиента, – и вы убедитесь, что он мертв.

– Вот это да, – прошептала Татьяна. – Того самого Эрлиха?

– Мог бы и раньше сказать, – обиделся Ваня.

И все сели ждать.

Прошло два часа.

В лесу начало смеркаться. Татьяна, впервые наблюдавшая ритуал, отошла подальше и сжалась на бревне. Хотела было прижаться к сильному мира сего, пока тот жив, но вспомнила, что он, скорее всего, излучает, и не стала.

Мухоротов, достав из кармана смартфон, включил себе какую-то игру и погрузился в процесс.

В почерневшем каменном квадрате стоял некромант. На нем был длинный старый плащ-палатка из брезента, висевший у Вани в прихожей еще с незапамятных времен, и трикотажные перчатки для работы в саду. Неподвижность деревьев, окружавших поляну, свидетельствовала о полном штиле в этом участке леса, однако в центре очерченного свечами круга ветер почему-то дул, и было видно, как он гоняет по траве узкие отражения огней.

Больше ничего не происходило, и зрители, привыкшие к динамичному кино со спецэффектами, стали потихоньку скучать.

Мухоротов давно посадил в смартфоне батарейку, курил, ел из пакетика чипсы и запивал их водкой Генциан Виолетыча.

– Бабу бы, – тоскливо прошептал он.

И посмотрел на притулившуюся под сосенкой Татьяну.

– Ваша фамилия, случайно, не Ларина? – спросил он любезно.

– А что, похожа? – улыбнулась девушка.

– Вылитая, – проговорил магнат заплетающимся языком. – Вот в следующем году на выборы пойду... пойдешь со мной?

– А если меня выберут вместо вас? – поддержала флирт Татьяна. – Что делать будете?

– Да рази они оценят такую девушку? – проявил светскую находчивость Павел Петрович. – Эт» только я могу...

Когда же он отвернулся обратно, Таня склонилась к Ванному уху и едва слышно прошептала:

– По-моему, он симулянт... По трезвяку притворялся. А сейчас пьян в дрова. И забыл.

– Зачем бы ему это? – удивился Ваня.

– Скучно им, олигархам. А может, заслал его кто. Я заметила – когда мы на него смотрели, он старался идти помедленнее, а когда думал, что все впереди – прыгал как козел...

– А как же ты тогда это засекала, что он прыгал? – не поверил Ваня.

– А у меня зеркальце с собой...

– Не веришь ты людям, – вздохнул Ваня. – Это просто целительный лесной воздух. Или уже агония у него.

– Ансар прав, ты – полный кретин, – усмехнулась Татьяна и снова повернулась к бизнесмену.

Наступила ночь. Мухоротов медленно засыпал, висая на Татьяне и пытаясь из последних сил залезть ей под куртку.

– Мы зря сюда пришли, – говорил он. – Сейчас он скажет – звезды не так стоят...

Только когда свечи погасли, Ваня вспомнил, что шеф перед выходом просил его в этот момент включить мощный фонарь.

Ваня засуетился и включил.

Ансар стоял на коленях в круге, наклоняясь так низко, что кончики его волос касались земли.

– Он шшто, мусльманин? – спросил Мухоротов.

– Нет, – ответил Ваня, – он зовет мертвеца из земли.

Ваня не знал, так ли это на самом деле, но ему казалось, что так.

– Вот придурок, – хихикнул бизнесмен.

– Ай! – сказала Таня. – Вы там поосторожней. Я еще не пошла с вами на выборы. И фамилия моя не Ларина, так что в случае чего я и в рыло съездить могу.

Ансар Фридрихович боялся собственной смелости. И еще боялся оторвать Эрлиху руку. Рука сначала была сухая, черная, а потом буквально под пальцами начала сглаживаться, скользить, обрастать тонкой кожей.

В такие минуты некромант старался не думать о глобальных мировоззренческих проблемах. С точки зрения главных мировых религий его занятие было как минимум хулиганством и кошунством. Но ведь и занятие хирурга, думал он, – тоже надругательство над неприкосновенностью человеческой плоти и божественным замыслом. И вообще, хирургия – это больно. И вправление вывиха – тоже больно. Но ведь – гуманно. Хотя, возможно, и гуманизм в том виде, в котором его пестует цивилизация, тоже немалое извращение.

– Wo bin ich?

Разглядывая творение почти что собственных рук, доктор Мерц ощущал себя в полной гармонии с миром. Это не было гордостью. Это не было усталостью или удовлетворением от хорошо выполненной работы, это были совсем другие ощущения... словно бы он подглядел миг творения, попал за кулисы загадочного спектакля под названием «жизнь». В эти моменты жизнь не делилась на свою и чужую. Он каждому из них отдавал немного от своего времени и удивлялся, почему оно еще не кончилось. Наверно, это как с донорством. Чем больше отдаешь крови, тем больше ее образуется.

Эрлих был красив, грязен и немного удивлен.

Некромант достал платок и попытался смахнуть хотя бы землю, выступающую из дырки у него во лбу. Получилось плохо, но все же приличнее, чем раньше.

– Sind Sienochin Russland. Esdauerte 70 Jahre, – ответил он.

Про то, что они умерли, а потом были подняты из земли, клиенты обычно знали сами. Надо было только указать им место и время.

Они разговаривали, а фонарик горел, заменяя собою, видимо, восходящее солнце.

– Сколько лет, вы говорите, прошло с войны? – поставив стакан с водой, Эрлих осмотрелся. Вокруг были только звезды, деревья и огонек далекого костра.

– Скоро семьдесят, – ответил странный человек с ввалившимися щеками и разными глазами. Его было едва видно. – Русские победили. Германия была поделена на две части, потом опять воссоединилась. А Советский Союз, наоборот, растащили, и теперь каждая из его бывших республик пытается встать на ноги и сделать «как было, только лучше». Обычно получается хуже.

– Я помню небытие, – поделился Эрлих. – И сижу тут, болтаю ногой. Но помню небытие. А там, – он кивнул на костер, – кто?

– Люди другого века. Они далеко от вас. Не говорите с ними. Вы из разных времен.

– А вы?

– Меня зовут Ансгар.

– Я предчувствовал, что так и будет. Что русские победят. Они бывают совершенно безумны. А у них все хорошо?

– Конечно, нет. Когда все бывает хорошо у безумных? Но, будь у них все хорошо, они бы давно спились от скуки. Впрочем, многие и спились, следовательно, все не так плохо, как им самим кажется.

Эрлих засмеялся – хрипло, со странным отзвуком, похожим на эхо бормашины, породившейся с волчьим воем.

Они говорили еще; Эрлих чувствовал себя странно и поминутно озирался.

– Зачем вы подняли меня? – спросил он.

– Вас девушка искала, – ответил Ансгар.

– Семьдесят лет? Так она уже старушка, а не девушка! – вскричал Эрлих. – Что я с ней делать буду?

– Говорят, вы очень любили друг друга.

В этот момент со стороны костра послышался шорох, а затем долгий, полный ужаса крик. Странный человек вскочил и обернулся.

Двое, что сидели у костра, вскочили, стали поднимать что-то с земли, наверное, третьего человека, но тот был против и отбивался, ругая их на чем свет стоит.

На дальнем конце поляны стояла, отражая свет, фигура женщины. Сквозь середину ее просвечивали стволы деревьев, а в самом центре, в груди, пульсировало темное пятно, притягивающее взгляд.

– Черт, – некромант с досадой закусил губу. – Призрак? Вампир? Стихийно неуспокоенная душа со странным телом... Она видит сердцем, точнее, тьмой, которая у нее вместо него. Это плохо. Я не успею. А вы, Эрлих? Скорее, идите туда. Спасите их. Она пришла за вами. Она увидит вас.

– Боже, зачем мне эта старуха! – вскричал юный немец.

– Встань и иди!!! – рявкнул некромант. – Развели тут театр.

И Эрлих пошел. Вообще-то он был против. Но послушаться он не мог.

Павел Петрович очнулся от жажды. Вокруг было темно, только где-то за пределами видимости мерцал костер, играя вертикальными тенями.

Неплохое приключение, подумал Павел Петрович. Хоть выпил на природе. А этот корявый ублюдок, конечно, сейчас скажет, что звезды не так встали, и он, Павел Петрович, все уже проспал.

Надо все же сесть.

Деревенские, Ваня и Таня, сидели возле костра, спинами к нему. Справа, в заросшем каменном квадрате, на кочке сидел этот прикольный немец, Ансгар.

А к костру шел еще один человек. Как они так сделали, Павел Петрович не понял, но этот идущий выглядел, как офицер вермахта. Даже головной убор был при нем. Правда, все было тусклым и нечетким, но узнаваемым.

Павел Петрович восхитился масштабом представления. Даже встал на ноги, чтобы лучше видеть.

Офицер, как оказалось, шел не к ним, даже не к костру... да что там, почти бежал. И путь его пролегал куда-то влево, мимо Павла Петровича. И еще он что-то кричал по-немецки, Павел Петрович не понимал, что именно, потому что слов было очень много и все разные.

Таня с Ваней тоже что-то кричали, только бежали они в другую сторону.

А когда немецкий солдат остановился, Павел Петрович разозлился, что ничего не понятно. Если уж устроили спектакль, то кто-то один должен внятно говорить у микрофона, думал он.

– Я ничего не понял! – крикнул он.

Таня не ответила, зажала рот руками. Ваня пожал плечами. Ансгар только встал со своего места, всматриваясь.

– Jetzt verstehen, – сказал кто-то слева от Павла Петровича и прикоснулся к его плечу. «Сейчас поймешь». Он обернулся и увидел то, чего никогда в жизни не встречал, – прозрачную женщину с длинными белыми волосами, в серых одеждах и с черной дырой на месте сердца. Черная дыра билась, пульсировала и становилась то плотнее, то бесплотнее – во всяком случае, так это выглядело для Павла Петровича. И когда ее сердце становилось плотнее, тьма словно бы накладывалась сама на себя, слой за слоем, и начинала мерцать, как свет, только это все равно был не свет, а та Тьма, что уже не является просто цветом, а является материей, для которой обычная темнота – лишь одна буква из слова.

– Матильда, – крикнул ей издали немецкий солдат. – ich bin hier!

– Ehrlich!

Тут Павел Петрович почувствовал, что задыхается, открыл рот, чтобы набрать воздуха, и даже набрал, но удушье не проходило. Все поплыло, помутнело, он дышал, но воздух стал чужим, без жизни и ясности.

Так Павел Петрович и упал – посиневший, с открытым ртом, тщетно пытаясь вдохнуть то, что вернуло бы его к жизни.

– Дебил безмозглый, – выдохнул господин Мерц, поднимая голову. – Фома неверующий. Все, пульса нет... В круг его. То есть, черт его деря, в квадрат.

Всех, кроме Вани и Эрлиха, трясло нешуточно, да и самому Ване было немного страшно. Не так, как было бы страшно живому Ване. И это несмотря на то, что возлюбленная красавца Эрлиха держалась поодаль и подходить ни за что не хотела. Мерц сказал, что это из-за Таньки. Мол, она боится женщин, потому что в них больше созидающего и их труднее разрушить. Об них она может разрушиться сама. А ей нельзя, потому что ее желание найти Эрлиха было сильнее жизни и смерти. Оно сделало ее такой.

Ваня задумался о том, что делают с людьми их желания, и посмотрел на неподвижного бизнесмена. Теперь тот был, насколько позволяла видеть ночь, не желтым, а синим.

– Он умер? – спросил Ваня.

– Да. Но пока квадрат активен, мы его подыдем. Павла Петровича даже не придется убеждать, что фонарик на светодиодах – это первый луч солнца. Скоро настоящий рассвет. Он должен понять, хоть и тупой буржуй.

Доктор Мерц был в фазе подъема: быстр, энергичен, даже его спина казалась прямой, а глаза – одинаковыми.

– Он на себя не похож, – взволнованно шепнула Таня. – Может, переработал?

– Переработать ему еще предстоит, – ответил Ваня, прилаживаясь, как бы ухватить злополучного бизнесмена. И вдруг обернулся к шефу. – Танька говорила – он был симулянтом, – вспомнил Ваня. – Развлечься хотел.

– Значит, не мне одному это показалось, – заметил Ансгар Фридрихович. – Или с кем поспорил. Надоели бабы и Куршавель.

«Вы развлекли его», – мысленно заметил Эрлих и спросил, может ли он чем помочь.

Ваня кивнул – мол, да, помогай, – и они вдвоем взяли Павла Петровича за конечности и отнесли на место будущего возрождения. Потом так же вдвоем зажигали свечи.

– Ты любил ее? – спросил Ваня.

«Не знаю. Но теперь знаю, что должен».

Ваня сразу подумал о том, что из двух любящих всегда любит только один. Видимо, красавец Эрлих только позволял себя любить. Возможно, он и не хотел, чтобы она его нашла, но теперь его характер поменялся и он чувствует, что должен быть со своей невестой. Или наоборот?

– А я тоже воскрешенный. Поэтому понимаю тебя и ты меня понимаешь. Мы были бы страшной, всепокрушающей армией, – сказал Ваня. – Что? А, Ансгар Фридрихович... он таким родился. У него еще два брата и сестра, но они обычные люди.

Когда последняя свеча была зажжена, Эрлих вежливо поблагодарил всех, попросался и ушел туда, где ждал его страшный призрак.

И они с призраком обнялись. Говорили долго; словно и не было тут никого, кроме них. Так, как разговаривают люди, не видевшие друг друга без малого семьдесят лет.

Они не заметили, как некромант медленно подошел к ним; они никого не замечали.

Ансгар Фридрихович выпростал бледные в рассветном свете руки из-под плащ-палатки, покатав что-то в пальцах, раздавил. А потом воткнул каждому в плечо – жестом, каким медсестра вонзает шприц.

Тут же обе фигуры стали зыбкими, потускнели, начали исчезать – то ли в свете, то ли в темноте – рассыпаться. И продолжали свой стихающий разговор, пока все, кто остался на поляне, не услышали жуткий, беззвучный крик – как будто всей Вселенной вправили дав-

ний болезненный вывих. И как будто Вселенная, глубоко тоскуя, так и не решила – хорошо это или плохо.

Татьяна тихо заплакала.

Доктор Мерц вернулся. Теперь, прислонившись к дереву и сложив руки на груди, он ждал, глядя в землю.

А Ваня следил, чтоб не погасли свечи воскрешаемого бизнесмена.

– Зато вы теперь точно знаете, что проживете еще сорок девять лет, – утешал Ваня воскрешенного. – А это не всем известно.

– Но как я буду спать с женой? – возмутился Павел Петрович. – Я ж холодный!

– Я уверен в том, – влез Ангар Фридрихович с сермяжной правдой, – что ваша двадцатилетняя жена будет счастлива, не чувствуя больше необходимости разделять интимные улады с жирным и обрюзгшим самодуром. Ваших денег ей будет вполне достаточно для хороших отношений. А дети у вас уже есть.

Павел Петрович задумался, словно прислушиваясь к чему-то в своей голове.

– Этак, – пробормотал он, – я к старой жене вернусь...

Ваня насторожился. Характер Павла Петровича действительно несколько «повело». Вернуться к жене. Это ж надо.

– А друзья? – спросил клиент жалобно. – Мои друзья? Они же...

Ваня закрыл глаза. Вот, вот оно. Такие моменты он очень любил. За них он обожал шефа.

– Они тоже ничего не знают... Впрочем, так им и надо, хриstopродавцам! – прорычал Павел Петрович. – Присосались к матушке-России как клещи!

Он еще много говорил. Детей, мол, с заграницы заберу – нечего им там делать. Пусть у себя дома прибираются. Новую жизнь строят. И еще он думал, что Ангар Фридрихович фокусы показывает. Спор у них с другом вышел – правда это или нет. Вот Павел Петрович и решил победить в споре. А получилось, что проиграл. Но он не чувствует себя проигравшим. Его жизнь только начинается, он воин. Паладин, да.

Павел Петрович расплатился, пошел к машине. Остановился, окинул взором деревню.

– Эх, – сказал он, – хорошо-то как! Куплю здесь земли. Построю дом, людей наберу.

Его охрана переглянулась – видимо, им еще предстояло привыкнуть к переменам, произошедшим в характере босса.

– Ближайшая свободная, говорите... – Ваня покосился на пустующий дом Генциана Виолеттыча.

– Только бы он эту разруху не купил по старой памяти, – поморщился Ангар Фридрихович. – Я не выдержу рядом с собой паладина. И химией не увлекся.

Ваня задумался, а потом вдруг сказал загадочное:

– Получается, вы все-таки правите страной... немного. А я думал, что вы ее совсем уж не любите.

– Думать больше не пробуй, – наказал ему Ангар Фридрихович. – В твоей стране интеллект вырастает до размеров, несовместимых с жизнью, но тебе это, к сожалению, уже не страшно.

И ушел спать.

– А по-моему – к счастью, – сказал Ваня, вешая на забор сигнальную кастрюлю.

Надо было сходить проведать, как там Кирилл. Тем более что для него поспела свежая и прекрасная легенда.

Глава 4. Живущие во сне

– Дорогие дети! Сегодня у нас будет интересный урок. Нам пришли календарики с террористами, поэтому каждый, кто получит сегодня пятерку, сможет выбрать один из них. Машенька, какой твой самый любимый террорист?

– Павел Петрович Мухоротов! – отрапортовала Машенька. – Он, прямо во время очередного заседания, растворил в кислоте Государственную Думу Российской Федерации...

Проснувшись, Ваня сел на своем коврик. Этак и ожить со страху недолго.

Дождик за окном тихо постукивал по кастрюле.

Иногда Ваню посещали тяжелые предчувствия – что вот-вот что-то случится, что-то ужасное... Ничего не происходило, и от этого становилось еще тяжелее. В этих случаях Ваня считал, что мировое добро сохраняется исключительно благодаря закону подлости.

– Раньше между некромантами проводились турниры, – сказал доктор Мерц, рассматривая себя в зеркале, что над раковиной. Он только что повесил полотенце на крюк в виде косточки, взял полотенце бумажное и теперь насухо вытирал раковину – чтобы не осталось ни одной капли. – Собирались со всего мира. Воскрешали обычно Тутанхамона. Потом вышел Кодекс, запретивший поднимать личностей, оказавших влияние на историю, если с момента их смерти прошло больше трех недель.

Ваня думал, что при жизни его, наверно, раздражала бы привычка шефа изводить по рулону бумаги в день на протирку вещей, о состоянии которых сам Ваня никогда бы беспокоиться не стал. Инициативы Ансгара Фридриховича касались зеркал, раковин, плитки в ванной и даже ручки входной двери – некромант полировал ее после ухода каждого из своих клиентов. На даче эта славная немецкая традиция была отчасти поглощена местной, более близкой к палеолиту культурой, однако до конца не сдалась и затаилась где-то в квартире. Дождавшись же осени, явилась и поработила Ансгара Фридриховича с новой силой. Что и говорить – в это время года даже креативность некроманта пробуксовывала, поэтому последний его агитационный плакат гласил не более чем «Вечная жизнь – даже для грешников» и «Смерть – не помеха вашему бизнесу».

Эти фразы вызывали оскомину даже у него самого, но переделывать их он не желал из упрямства.

– И что, никто не пытался воскресить, скажем, Сталина? – спросил Ваня, собирая использованные, абсолютно чистые, на его взгляд, бумажки в мусорный мешок. Да, при жизни это раздражало бы его. Теперь – нет. Ужасно, когда тебя ничего не раздражает.

– Исторический факт, – охотно поделился Ансгар Фридрихович профессиональной тайной. – В то время в Советском Союзе работал некромант по имени Витольд, его и попросили. Но Сталин получился с диссидентским характером – то ли Есенина, то ли Маяковского. А коварство его осталось прежним. Поэтому, вызвав у Витольда способ уничтожения самого себя, он воспользовался им той же ночью.

– А с Витольдом что стало?

– В расход, – скомкав последний клочок, Ансгар Мерц двумя пальцами запустил его в подставленный пакет. – Сильный был некромант, но – всего лишь человек. Ровесник века. С тысяча девятьсот восемнадцатого его мертвотворящие крылья смыкались над Москвой, нарушая природные причины и следствия. Он называл воскрешенных «живущими во сне». Он говорил, что где-то есть мир, где ты спишь и тебе снится, что тебя подняли из могилы.

– А вот если сделать некроманта «живущим во сне», – задал Ваня наболевший вопрос, – он будет работать?

– Я уже отвечал на подобный вопрос. Воскрешенный Пикассо не пишет картин. Воскрешенный дизайнер не выдаст ни одного проекта... хотя, глядя на иные проекты, – Доктор Мерц покосился на окно, за которым строился торговый центр, увешанный лесами и рекламой, – видно, что даже лежащий покойник сделал бы их лучше.

Так сложилась традиция, согласно которой некроманты прячут свои могилы. Точнее, завешают спрятать. Витольд не смог, поскольку рядом с ним в момент смерти не было никого, кому бы он доверял, но его могила все равно потерялась, хоть и была на самом... гм... Словом, наше общество никогда не умело беречь таланты.

– А если как раз именно мертвый некромант умеет то, что не умеет живой? – невежливо перебив шефа, Ваня запихнул пакет в мусорное ведро. – Например, полное восстановление? В живого человека?

Ансгар Фридрихович распечатал новый рулон бумаги, посмотрел на Ваню.

– Живых людей рожают женщины, – отрезал он. – Только они могут ходить в мир мертвых и брать там душу, свободную от судьбы. Только они могут дать ей судьбу. Если... душа ее примет. Потому что душа может и не согласиться. Из-за этого детям не принято давать имена до рождения – ведь они могут отказаться от судьбы, с этим именем связанной.

– А если женщина не захочет, но душа все равно придет?

– А если человек убил себя, а потом передумал?

– Я не поэтому...

– Врешь.

– Вру, – кивнул Ваня. – Но разве не виноват тот, кто дал ему возможность передумать?

– Не так сильно, как если бы он сделал это за деньги, – улыбнулся доктор Мерц. – Я привык к чувству вины раньше, чем ты начал привыкать жить мертвецом.

– Вы отобрали у меня результат уже сделанного выбора, – укорил его Ваня.

– Зато дал ценный шанс почувствовать себя идиотом, – отметил доктор.

– Спасибо. Я знаю, почему вы это сделали. Чтобы было кому похоронить вас, ведь так? Кстати, а чьи крылья смыкались над Москвой с пятьдесят третьего или когда там расстреляли Витольда?

Некоторое время Ансгар Фридрихович изучал собеседника с таким лицом, словно не верил в его существование.

– Ничьи, – сказал он наконец.

– Значит, вы...

– Учился в Германии.

– Врете, – сощурился Ваня.

– Обязан, – кивнул доктор. – Потому что моего мертворожденного брата-близнеца тоже звали Витольдом. Остальное...

Звонок прервал их вовремя, потому что доктору Мерцу настроения Вани совсем не нравилось. Совсем.

Новый клиент был не стар, но и не молод; стройный мужчина с темными локонами до плеч, благородным носом и яркими синими глазами. Серый с блеском костюм и тонкий парфюм завершали умопомрачительный образ, словно бы шагнувший под холодную арку со страниц дамского романа. Даже ногти у клиента были более ухожены, чем у некроманта, хотя раньше Ваня считал, что это невозможно.

Хорошо бы он сам за собой протер дверную ручку, подумал Ваня. Это собьет Ансгара с толку и хоть немного озадачит. На что он тогда будет изводить бумажные полотенца?

– Здравствуйте, – лучезарно улыбнулся клиент, и складка за его круговой мышцей рта добавила в умопомрачительный облик толику светлой скорби.

«Он еще и харизматик», – обреченно подумал Ваня.

Насколько «живущие во сне» были способны ненавидеть, настолько Ваня ненавидел это модное слово. Потому что если говоришь просто «обаятельный человек» – этот факт можно обсудить или даже оспорить. Однако с «харизматиком» этого не получится. Если тебе сказали, что кто-то харизматик, то это – мнение окончательное, как смертный приговор окружающим. Обжалованию, естественно, не подлежит. Кроме того, Ваня подозревал, что у каждого харизматика где-то спрятано удостоверение. Заслуженный харизматик. Или, скажем, народный. Почетный харизматик. Дважды и трижды харизматик. Наверно, даже его надгробие будет собирать вокруг себя внимающих светоносной харизме.

– У меня к вам, – изящно обогнув дверной косяк, Харизматик проследовал в гостиную и расположился на диване для посетителей так, словно был у себя дома, – довольно странная просьба...

– Я и специализируюсь на выполнении не совсем обычных заказов, – напомнил доктор Мерц, занимая стул напротив. Вид у него был выжидающий – какие правила этот хам нарушит еще и хватит ли их на повод выставить его из дома?

– Я хочу воскресить... женщину.

Ансгар Фридрихович кивнул, не моргая. Его разные глаза были словно застланы туманом, под которым толпились тени иронии, профессионального азарта и еще какого-то странного удовлетворения, природа которого была Ване непонятна.

– Действительно, странная просьба, – согласился доктор, глядя на клиента уже почти с обожанием. – Женщину. Надо же. Но я как раз тот, кто может вам помочь. Я иногда воскрешаю женщин. И даже – вы не поверите! – мужчин.

Харизматик рассмеялся.

– Меня зовут Андрей Бархатов, – сообщил он доверительно, наклонившись к некроманту так близко, что теперь занимал только самый краешек дивана. – И женщины у меня нет.

– Сочувствую вам безмерно, – кивнул Ансгар Фридрихович. – Воскресим, как только найдете.

– Об этом я и хотел вас попросить, – прошептал Андрей. – Я нашел ее... сразу мертвой. Точнее, их. Я хочу видеть рядом с собой одну из этих женщин.

И он подал некроманту какой-то длинный, распечатанный на принтере список. Список дублировался таблицей, к которой прилагалась диаграмма.

– Это, – клиент ткнул в диаграмму, – степень желательности той или иной... гм... претендентки.

Представив очередь из покойниц, претендующих на внимание харизматика, Ваня неприлично хрюкнул. Хорошо на стройке как раз в этот момент включили перфоратор, поэтому звука не было слышно.

– А позвольте спросить, – некромант, между тем, углубился в изучение, – чем вас не устраивают живые девушки?

Перфоратор замолк. «Наверное, тоже прислушивается», – подумал Ваня.

– Понимаете, – прошептал Андрей, – живые девушки – это так тяжело. Рано или поздно они начинают обсуждать отношения, проситься замуж, предъявлять какие-то права на тебя... ничего этого я не хочу. Я хочу просто девушку, понимаете. Чтобы она слушалась меня, ждала меня на съемной квартире и ни о чем не просила. Девушку без матримониальных планов и родственников. Девушку, которая умерла, но продолжала бы жить... ради меня. И не создавала бы мне проблем.

Может быть, Харизматик настроил глаз наблюдателя на восприятие прекрасного, а может быть, Ансгар Фридрихович так часто еще никогда не моргал, но Ваня вдруг обратил внимание на нестандартную длину ресниц шефа. Или, может быть, раньше Ваня воспринимал их длину как издевательство над гармоничным уродством господина Мерца, вот и старался изо всех сил деликатно не замечать. А теперь силы ему отказали.

И вот эти самые ресницы добавили в облик господина Мерца что-то настолько наивное и невинное, что Ване он на миг показался совсем другим человеком. Человеком, ощутившим свое ничтожество перед лицом одной из двух воспетых Эйнштейном бесконечных величин.

– Это нетрудно, – интонации доброго психиатра в голосе доктора быстро развеяли иллюзию. Ангар качнул зажатым в руке листком, – Я посмотрел список милых вашему сердцу трупов и хочу уточнить: у кандидаток есть живые родственники?

– Не знаю, – нахмурился Бархатов, – а это существенно?

– Конечно. После воскрешения дамы могут захотеть к ним вернуться.

– Так я не позволю им, – удивление Андрея было таким искренним, что Ваня чуть не передразнил его. – Она же будет моя! Ну, эта девушка.

– Все-таки лучше без родственников, – заметил Ангар. – Мои воскрешенные прекрасно слушаются меня, возможно, будут слушаться и вас, но... есть некий элемент непредсказуемости. Не хотелось бы рисковать.

– Я понимаю, – тут же заверил его Андрей. – Понимаю... что ж... проще будет определиться с выбором. Тогда завтра я представлю вам окончательный вариант.

– Договорились, – кивнул доктор. – Но имейте в виду: чем больше девушек, тем выше цена!

– Надеюсь, – улыбнулся Андрей, – вы не подумаете обо мне плохого. Что я эгоист или там...

– Ваши моральные качества, – заверил его Ангар Фридрихович, – никоим образом не повлияют на нашу работу. До завтра. Будем рады видеть вас снова.

– Вы действительно будете рады видеть его снова? – спросил Ваня, когда шеф, закрыв за клиентом дверь, вернулся из прихожей. Он усиленно тер кулаком переносицу и плохо видел, куда ступает.

– Почему бы и нет? – пожал плечами доктор Мерц, думая о том, нужно ли все-таки вытирать диванные поручни. – Если ты думаешь, что чья-то физическая полноценность причиняет мне нестерпимые страдания, то ты забыл, что мы с тобой разные.

– Да нет, – поморщился Ваня, – я не об этом. Просто он... он же хочет воскресить рабство, а не девушку.

– Кодекс не запрещает нам воскрешать рабство, – пожал плечами доктор Мерц. – Может быть, он ей понравится. И у него отпадет необходимость устраиваться на работу в морг, чтобы вступать в интимные отношения с трупами.

– Ладно. Спокойной ночи, Ангар Фридрихович.

Ване почему-то перестало быть смешно. Ему стало плохо.

Доктор Мерц долго не мог уснуть. Два раза вставал и протирал дверную ручку, один раз даже скатал ковер с пола и вывесил его на балконе. В итоге забылся, но через час чувство тревоги стало нестерпимым, и он проснулся снова.

Где-то в коридоре явственно раздавался шорох. Неужели Андрей Бархатов передумал воскрешать девушку и решил для начала убить кого-нибудь здесь?

Осторожно накинув халат, доктор Мерц выглянул из комнаты и увидел, что на кухне горит свет.

Ваня сидел за столом, погрузившись взглядом в открытый чемоданчик некроманта. Набор ампул с иглами для умерщвления воскрешенных уменьшился на боевую единицу. Её-то Ваня и держал в дрожащих руках. Достаточно было как следует сжать кулак, но он медлил.

– Ты рехнулся? – деловито спросил доктор Мерц.

– Я устал жить через силу, – сказал Ваня, медленно обернувшись. – Мне все время это казалось, что нечто... что мне нет места в этой жизни. Мы об этом не говорили, но ведь вы нас используете. Так же, как этот безмозглый красавец – эту девушку...

Теперь Ваня смотрел некроманту в глаза.

– Использую, – согласился тот. Ангар ненавидел это слово. Оно могло значить что угодно, могло быть привязано к чему угодно, но всегда означало одно: человек, сказавший его, чувствует себя униженным абсолютно всеми, ненавидит всех, и выхода нет. Наверно, это же чувство заставило Ивана броситься в речку. И вот, вернулось.

– Позвольте мне умереть, – попросил между тем Ваня. – Я устал быть вторичным. И... пожалуйста, пожалейте эту девушку, кто бы она ни была. Вы понимаете...

– Отказ клиенту невозможен, – отрезал Ангар. – Это противоречит Кодексу.

– Ваш Кодекс сочинил дьявол! – Ваня вскочил.

– Возможно, – согласился доктор. – Но отношения с этой фигурой – личное дело заказчика. Это его грех, а я... лишь смотритель у этой двери.

– Но не в моем случае! Не в моем! – Ваня сжал в кулаке ампулу и смотрел на нее сощурившись, как смотрят на свет. – Вы создали меня! Вам нужен был кто-то, вы нашли неопознанный труп в реке и решили, что он вам подойдет, – голос его стал хриплым, словно упал куда-то, где лишь грязь и щебень. – Но это не так, Ангар Фридрихович. Я не подхожу вам. Я еще помню свою жизнь, я помню, что я – человек и имею право на выбор!

– Ты уже однажды сделал свой выбор, – жестко напомнил Ангар Фридрихович. В его речи появился немецкий акцент, живо напомнивший Ивану виденные в детстве фильмы про злых эсэсовцев. – После него ты не был похож на человека. Тебя не раздуло от воды только потому, что ты весь был обмазан нефтью – я даже не понял, какой ты национальности, пока не отмыл скипидаром... хочешь повторить?

– Вы все время смеетесь надо мной, – обиделся Ваня. – Знаете, как тяжело быть застрявшим между мирами? Все время чего-то недостает... Я пойду. Отпустите меня, пожалуйста.

– Нет.

– **ОТПУСТИТЕ МЕНЯ!** – прорычал воскрешенный. – Иначе я убью вас!

– Заткнись и иди спать.

Ваня со стоном опустился на паркет. Руки его дрожали, и было слышно, как игла в ампуле тихо позвякивает, катаясь по стеклянной стенке.

– **ОТПУСТИ МЕНЯ... ОТПУСТИ МЕНЯ, СВОЛОЧЬ... ДАЙ МНЕ УМЕРЕТЬ,** – хрипел воскрешенный, и Ангар понимал, что теперь он сам обязан его убить. Согласно Кодексу. Согласно технике безопасности и здравому смыслу.

Однако вместо этого он упал рядом на колени и обхватил помощника за плечи, прекрасно зная, что если тот рванется как следует, для него самого это может закончиться смещением позвонков. Ангар Фридрихович не умел дотрагиваться до людей. Вообще. И поэтому, когда он на это решался, люди не сопротивлялись просто от удивления.

Однако и сам он в такие моменты не знал, что делать, поэтому просто держал Ивана, надеясь, что удивление собьет его с выбранного курса.

– Знаешь, – спросил он тихо, – зачем я тебя воскресил на самом деле?

Ваня покачал головой.

– Хотел спросить, что может заставить здорового и красивого человека отказаться от жизни. Но потом все время откладывал этот вопрос, считая его бестактным.

– Вы просто узнали ответ, – буркнул Ваня, помолчав. – Ясно же, что по глупости.

– Видишь, какой ты счастливый. А мне вот хотелось убить себя чаще, чем вообще что-либо хотелось, но я этого так и не сделал.

... Через пару минут Ваня встал, покорно положил ампулу на место и устроился за столом, на старом месте. Он хотел сказать, что устал. Устал от этой не-жизни, этого онемения, патоки

вместо воздуха. Может, у других иначе, но у него – так. Наверное, потому, что он утонул, и теперь след этого греха не покидает его ощущения.

Он хотел сказать, но не сказал, потому что тоже считал это бестактным.

– Ансгар Фридрихович, – сказал он вместо этого, – это вы... нашли Витольда? Вы там оговорились, что его могила была на самом, очевидно, заметном месте, да и голос у вас был заинтересованный глубже, чем если бы вы излагали чужую историю. Или мне показалось?

Некромант обошел стол и сел напротив.

– Ты убил в себе не только героя-любownika, но и детектива, – ответил он, не допустив даже тени благодарности за то, что Ваня только что мысленно пощадил его чувства. – Я был еще слишком салагой, чтобы уметь бороться с ужасами, и в то же время уже слишком большим, чтобы воспринимать их как должное, когда узнал имя своего брата. На восьмом месяце маму сбила машина, и она стала рожать нас несколько раньше срока. Думала – один Витольд, оказалось двое, в их числе урод с кривой харей. Но урод родился живым, а некривой Витольд – мертвым. В тот вечер, когда я узнал об этом, мне долго не спалось. Никогда не подслушивай разговоры сестер. Я догадался, что родители хотели бы все наоборот, и жалел их – мне-то было все равно, я был живой и свободный, это у них родился урод. Так я мыслил тогда. Они даже не рискнули дать мне то имя, что заготовили для него. Несколько позже на кладбище, недалеко от дома, я нашел его могилу, где стояла всего одна дата. С тех пор я часто играл там, и мне казалось, что я играю с ним. Мне казалось, что никто и никогда не поймет меня лучше, чем он. Я мечтал, чтобы он снова был живым, и я привел бы его домой, и родители перестали бы считать меня лишним. И сами обрадовались бы.

Я тренировался на голубях, лягушках и крысах. Я уговаривал их подняться, клал в воду, поджигал... так выглядело начало моего пути. Один раз я реанимировал сбитого машиной кота и долго не мог поверить своему счастью. Рассказал про кота брату, но тот, конечно, не мог сделать то же самое. Я пообещал ему, что уже скоро... Раз получилось с котом, значит, и с ним получится. Надо только придумать как.

Школьные товарищи относились ко мне терпимо, но с пренебрежением. А когда узнали, что я вечно ношусь с дохлятиной, стали хихикать за спиной. Девочки отнимали у меня вонючих птиц и крыс, чтобы их похоронить.

Как-то после очередного конфликта с одноклассниками я шел домой. Было мне очень плохо – от злости и от усталости. Бросив портфель дома, я сказал, что иду гулять, и подался, конечно, на кладбище. Посидел, поговорил с братом. Да и заснул прямо на семейной могиле. Дальше был сон из тех, что я теперь смотрю наяву и по собственному желанию.

Мне привиделся незнакомец в сером костюме и прическе конца сороковых годов. Он сказал: «Я думал, никто не придет». И засмеялся. Дружелюбно. Я ответил, что пришел не к нему, а к Витольду. Вот в чем дело, рассмеялся он. Я и есть Витольд. Он взял меня за руку и повел куда-то вглубь кладбища, показал на землю... в тот момент я все еще спал и воспринимал все как должное, иначе убежал бы. Но он показал мне себя, и я научился видеть тени под землей... Мы говорили. Я проснулся и остался там, дрожа от холода. Принес воды и огня... Долго смотрел под землю и в некий момент просто увидел его. Почувствовал его присутствие, как сейчас твоё. Он не отпускал моей руки, пока не поднялся... А уже когда выпил воду и свечи погасли, объяснил мне, что воскресить моего брата нельзя – он проживет меньше дня, потому что имя – это судьба, и неудивительно, что мой брат отказался от нее в самом начале. Выглядел мой учитель, конечно, совсем не так, как во сне – грязные лохмотья, седые длинные волосы... борода почти до колен... однако ему нравилось. Он сказал – я собрал его почти целиком. Кроме ботинок. Он сказал, что пришел через мой сон и теперь будет «жить во сне».

Несколько лет он учил меня, а потом пропал. Ты это хотел узнать?

Ваня немного помолчал, а потом спросил:

– И вы никогда не нарушали Кодекс? Ведь наверняка же приходили матери, потерявшие младенцев...

– Приходили. Но – не нарушал. Витольд навсегда излечил меня от желания говорить с братом.

Некоторое время живой и «живущий во сне» молчали.

– Попросите у меня прощения, – сказал Ваня.

– Зачем? – удивился Ансгар Фридрихович.

– Мертвым быть тяжело.

– Тебе и живым не особо нравилось.

– Теперь хуже. Тяжело чувствовать боль, но еще тяжелей чувствовать пустоту там, где должна быть боль.

– Дурак ты, – сказал Ансгар Фридрихович, вставая со стула, вытаскивая ампулу и защелкивая замки чемоданчика. – Конечно, черт возьми, я использую тебя, чтобы не чувствовать сквозняк из иного мира! Однако это все равно что пытаться засыпать льдом течь в корабельном днище – рано или поздно он растает. Я не знаю, каким ты должен был быть. Мне вдруг показалось, что ты сожалешь о своей смерти. Я был неправ, и ты передумал. Если так – иди разлагаться на пустырь, не пачкай мою квартиру, – он протянул ампулу Ване. – Но прежде всего я хочу, чтобы ты знал: использовал тебя как пластырь в попытке закрыть рану, которой не зажить никогда. Она растет вместе со мной. Мне будет больно, если ты уйдешь. Поэтому сейчас лучше иди спать. И не трогай больше мои вещи.

– Извините, – вздохнул Ваня. Наверное, подумал он, у меня сейчас примерно такое же лицо, какое было у Ансгара Фридриховича, когда он выслушивал сегодняшнего клиента.

На краю кладбища копал экскаватор – старые могилы, которым больше 30 лет, заравнивали, делая стройплощадку. Здесь будет элитный жилой квартал – гласили рекламные щиты.

На краю будущей стройплощадки стоял Андрей Бархатов и улыбался надгробию. «Надо успеть воскресить именно эту, пока ее могилу не снесли», – думал он.

А Ваня думал, что надо попросить строителей снести эту могилу. Чтобы Андрей ее не нашел. Правда, оставались ориентиры – три дерева и фонтанчик для мытья рук. Но и его можно сломать.

«Она умерла, сволочи! И нечего тревожить ее покой своими неестественными ритуалами. Да еще затем чтобы сделать ее рабыней...»

Но уже поздно. Не получится. Значит, он подарит ей смерть, которую не возьмет сам.

Полночь наступила быстро, и Ансгар Фридрихович, зажигая свечи, даже увлекся. Интересно, что это за девушка. На таких можно даже подолгу смотреть, это для профессии не вредно. Ансгар любил смотреть на красивых людей.

Интересно, думал он еще, уйдет ли отпущенный им Иван? Судя по скорости его успокоения, решимость это сделать накапливалась давно. И вот он счел себя рабом. Жаль, Ансгар ничего не заподозрил раньше – сейчас бы знал, что чувствовать по этому поводу. Потому что он не знает. Как озвучить равнозначные радость от обретения покоя кем-то, пусть даже и не тобой, облегчение – держать мертвеца – все же ответственность, а еще Ансгар знал, что будет потом долго искать его в людях и не находить. Это самая неприятная его привычка – искать тех, кто ему нужен, в тех, кому не нужен он. Так он в детстве искал Витольда, так, однажды влюбившись в давно умершую женщину, замечал ее черты среди живых... Стало проще, когда воскрешенный им Витольд-старший сказал – нельзя. Запреты Ансгар Фридрихович очень уважал.

Нельзя в этой жизни ни к кому привязываться.

«Использовал». Ты меня тоже использовал, чтобы посмотреть, что будет после твоей смерти. Посмотрел. Ладно, по крайней мере, отвращение к Андрею на фоне возможной потери компаньона ощущалось не так остро.

Вот и звезды. Ангар опустил на колени, слушал землю.

Мертвец был прямо под ним – тонкий скелет, остатки платья. Насильственная смерть.

– Андрей, вам нравится насильственная смерть?

– А? Да все равно... главное, чтобы это не отрубленная голова была, – улыбнулся Андрей вымученно. Ему было не по себе.

Нет, голова у девушки на месте. Изящный череп. Долихоцефал. С такой девушкой будет трудно.

Ваня ее пожалел бы. Но Ваня пойдет и умрет. Надо было ему запретить. Но терпеть рядом с собой человека, который тебя ненавидит, – по меньшей мере, глупо.

От загруженности разного рода мыслями Ангар Фридрихович чуть было не позабыл латынь. Однако получилось. Покойница отвечала, и ответы ее становились все яснее и яснее.

Хорошая душа. Добрая. Значит, простит.

Ваня стоял поблизости, не зная, что делать. Ангар Фридрихович дал ему понять, что справится без него, и теперь воскрешенный чувствовал себя лишним, и это отчего-то было приятно некроманту, словно Ваня уже ушел, а теперь сожалел об этом.

Андрей хлопал мертвеца по плечу, что-то говорил и улыбался. Никто не знал, что Ваня тоже воскрешенный. Этого не было видно. Они ведь с виду даже дышат и моргают, просто так, по привычке.

Поэтому Андрей нервничал только по поводу заказанного им воскрешения. И еще – видимо, не веря своему счастью – оглядывался. Словно кто-то сейчас придет и отберет его.

Наверное, думал Ваня, катая ампулу в кармане, предчувствует диверсию.

Вот и все готово. Ангар всматривался в темноту. Перед глазамиплыли круги – он был не в лучшей форме. Но слышал ее. Даже знал, что друзья звали ее Анютой.

Ветер что-то шептал в кронах у него над головой; Ваня и Андрей продолжали беседу.

Он уйдет, думал доктор. Может быть, даже прямо сейчас, чтобы досадить Андрею... и мне. А может, он передумал?

Или мне тоже воскресить себе девушку? Но что я с ней делать буду? Они же бывают такими бестолковыми...

Внезапно те двое, что стояли за кругом, обернулись.

Со стороны стройки шел человек. Тяжелая, крупная фигура в длинном пальто.

Когда она оказалась под фонарем, стало видно, что это дама. Увидев Андрея, она всплеснула руками и закричала:

– Ты чего мобильник не берешь?! Я уж в полицию звонить хотела. Это кто с тобой?

– Это так... мужики, – насупился Андрей.

– Это твоя мама? – спросил Ваня громко.

Лицо Андрея сделалось тоскливым.

– Мама? – женщина насторожилась. – Что вы хотите этим сказать? Да я моложе вас!

– А вы говорили, – напомнил подошедший доктор Мерц, – что у вас нет женщины.

– Как это нет! – возмутилась дама. – Как это нет... мало того что нет, так еще – мама!

– Ну, – заметил доктор Мерц, – вам явно не восемнадцать.

Дама повернулась, и стало видно, что она на голову выше тщедушного некроманта.

– А ты вообще урод, – прошипела она злобно. – Я бы с такой фигурой, как у тебя, ходила бы на ЛФК!

– А я бы с такой фигурой, как у вас, не вылезал бы с фитнеса, – отвечал некромант, не дрогнув ни на йоту. Он даже не моргал.

– Кто учил тебя разговаривать с женщинами? – дама была настолько удивлена, что перестала кричать, однако продолжила накаляться внутренне. Андрей Бархатов бегал вокруг и уговаривал: мол, зайчика, не надо, ну что ты, не надо...

– Они сами, – ответил Ансгар Фридрихович.

Дама, замолчав, покачала головой.

– Ну и друзья у тебя, Андрюша, – сказала она осуждающе. Однако в ее голосе явно чувствовалось облегчение. Наверно думала, что Андрюша пошел по бабам, решил Ансгар Фридрихович.

– Пойдем домой, зайчика, – взмолился Андрей. – Ну пойдем... Я тебе цветочков куплю.

Однако даме что-то не давало покоя. Некоторое время поизучав скудную фигуру некроманта в драной куртке, она надменно спросила:

– Меня всегда интересовало – у таких уродов и хамов наверняка ведь тоже есть женщины... наверно, вы относитесь к ним как к рабыням. Я бы вообще сажала за это в тюрьму...

– У меня нет жены, – сказал некромант. Почему-то их взгляды с мадам Бархатовой никак не расцеплялись. – Потому что я никогда не встречал таких красавиц, как вы.

– Ой, – рассмеялась дама, поправив якобы выбившийся из прически локон. – Ну мне же не восемнадцать, вы же сами сказали...

– А мне и не нравятся восемнадцатилетние, – откровенно флиртовал Ансгар Фридрихович.

Самое ужасное, что тетке, нашедшей себе мужа-красавца, он явно нравился. Человек редко знает, чего хочет на самом деле, заключил Ваня.

И зацепился за эту фразу. Она словно отворила ему дверь куда-то, куда происходящее все еще мешало ему войти.

– Зайчика, ну пойдем домой, – ныл Андрей.

А Ансгар и его жена продолжали молча смотреть друг на друга.

Внезапно дама смутилась. И отмахнувшись от мужа, подошла к маленькому некроманту.

– Ты, – бросила она мужу через плечо, – наверняка мне изменял! Вот и я тебе изменю.

Схватив Ансгара, она притянула его к себе и жадно поцеловала в губы. Потом, поставив на место, гордо удалилась.

– Неустойка, – напомнил Ваня Андрею, чтобы не чувствовать себя совсем уж непричастным к празднику. Это была его обязанность – напоминать клиентам про пункты контракта.

– Да-да, – прошептал незадачливый супруг и припустил следом за своей половиной.

– Что вы находите в этом слюнявом дерьме? – за полминуты землю вокруг Ансгара Фридриховича покрыла гора скомканных бумажных салфеток. – Ненавижу целоваться.

– Нечего было ее заводить, – пожал плечами Ваня.

– Это так называется? – Ансгар посмотрел на него с любопытством. – Впрочем, чего еще ждать от механистической цивилизации.

– Ну, еще это называется «возбуждать».

– Тоже физика. Какие же вы все тупые... Ты пойдешь со мной домой или все еще собираешься накладывать на себя руки?

– Да ну вас, Ансгар Фридрихович, – засмеялся Ваня. – Вы мне своей метафизикой всю физику посрамили. Знаете, иногда бывает, что закон подлости... ну, когда кто-нибудь приходит не вовремя... тогда этот закон служит добру.

– Все в мире служит добру, – сказал некромант. – Даже я.

– Кроме того, – Ваня запнулся, – тот кот, которого вы воскресили в детстве... он ведь уже умер?

Ансгар хмыкнул, провел по лицу пальцами и рассмотрел их в свете фонаря.

– Умер. Купи мне полоскание для рта, пожалуйста.

В кронах темных деревьев поднялся ветер, и где-то тоскливо, на одной ноте, плакала неизвестная ночная птица.

– Это водку, что ли? – спросил Ваня, глядя, как шефа трясет от предрассветного холода.

Тот поморгал.

– Можно и водку... только сначала вымой руки, – он кивнул на фонтанчик, – от кладбищенской земли. Я-то все равно не решусь... А тебе еще жить да жить.

– Теперь, – горячо возразил Ваня, – это уже земля со стройки! Жизнь не стоит на месте.

– Я вижу, – согласился Ангар, – за права метафизики этой ночью беспокоиться не нужно. Равно как и за права женщин. Жаль, Анята не сможет хлопнуть с нами стопочку за упокой своей так и не порабощенной души.

Глава 5. Маруся отравилась

Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «бесплатная»! Поезд следует до станции «дорогая». Уважаемые пассажиры! При выходе из поезда не забывайте чужие вещи! Сотрудники полиции не выпустят вас без них!

...Сон о перспективах городской экономики был настолько нехорошим, что от телефонного звонка Ваня проснулся прямо-таки с благодарностью. Потянулся за трубкой, нажал прием, и некая девушка с резким голосом спросила, могут ли они поговорить с господином Ансаром Мерцем, в то время как другая девушка где-то рядом с ней экзальтированно убеждала невидимое Ване пространство, что «только необъяснимое может нас спасти – так пусть спасает» или что-то в этом роде.

– Я его секретарь, – сказал Ваня, прогоняя из головы заблудившийся образ станции «дисконтная». – Мы оказываем оккультные услуги. Вы осведомлены об их роде?

– Нам сказали, – информировала девушка с резким голосом, – что вы... э... аннулируете акт смерти. Это возможно?

– Если вы доверяете вашему источнику – то мы, со своей стороны, заверяем вас, что вы получите возможность убедиться в том, что это возможно. Кто умер?

– Эта дура, – прозвучало на фоне. – Подставила нас всех...

– Девушка из нашего... творческой группы психологической помощи покончила с собой, – пояснила его собеседница. – Мы можем прийти к вам и поговорить?

Одна из делегаток была худа, носила белую мужскую рубашку и короткие, черные, явно не своего цвета волосы. Вторая, наоборот, была кудрявой натуральной блондинкой в зеленом платье.

– Я – Рита, – сказала первая.

– А я – Мишель, – улыбнулась вторая. – Наверно, вам часто приходится сталкиваться с человеческими трагедиями, и вы относитесь к ним философски? Ах, потрясающая арка... она всегда такая холодная? Кто рисовал Цербера, он как живой!

– Доктор Мерц, – то ли ответил, то ли представил Ваня вышедшего в прихожую шефа. – Некромант.

Доктор Мерц отследил привычный рисунок взглядов людей, видящих его впервые: сначала прямой, потом отведенный – дабы скрыть испуг и неприязнь при виде физического уродства, а потом снова прямой, как попытка рассмотреть, так ли этот человек безобразен внутри, как снаружи. В этот момент ему всегда хотелось узнать, смогли ли они получить ответ на свой невысказанный вопрос, а если смогли – то какой? Ведь есть в нем что-то, что ускользает от его внимания, но прекрасно видно со стороны. Наверняка есть.

– Мы из театра, – блондинка, безошибочно определив, что уменьшение дистанции между ними ему польстит, приблизилась почти вплотную. – Мы заплатим по двойному тарифу, но если можно – без официального оформления. Потому как, если что-нибудь просочится в прессу, нам не жить.

– Если что-нибудь просочится в прессу, – вторила брюнетка Рита, которая подходить не спешила, – вся затея и вовсе теряет смысл.

– Театр? – Ансар Фридрихович заинтересованно поднял брови.

– Театр психологической помощи. Я – его директор. Мы недавно открылись. К нам приходят люди, играют роли и...

– Это должно их поддерживать, – то ли перебила, то ли дополнила Мишель. – У нас уникальное объединение! Конечно, среди людей творческих неизбежны разногласия, но главное, что мы несем людям, – это любовь, возможность самореализации да и просто моральную

поддержку, а это очень, очень много! К сожалению, не все это понимают. Сегодня, например, случилась трагедия, дискредитировавшая наше движение...

– Это получится, если возникнет информационная утечка, – в свою очередь перебила ее Рита. Повадки у этой дамы были мужские, но сил на поддержание образа «железной леди» явно не хватало – она была бледна и выглядела утомленной.

– Некоторые люди странно мстят, – тоскливо провила Мишель.

– Так что же случилось? – решил уточнить Ваня. Все-таки женщины, даже похожие на мужчин, остаются женщинами, и эмоции у них преобладают над рассудком. Конечно, посмотреть на это приятно, но для дела такая форма общения не подходит.

– Девушка из наших... из наших ребят, учеников... покончила с собой, наглотившись таблеток, – Мишель говорила, словно бы сожалея о таком банальном исходе великого начинания. – Представляете? Мы оказываем ей психологическую помощь, а она так с нами...

Доктору Мерцу послышалась в ее голосе тень актерской зависти – девушка сыграла смерть по-настоящему и привлекла к себе многовато внимания.

– Заткнись, Мишель, – Рита, видимо, разглядела в речах коллеги то же самое. – Мы тоже дураки – недосмотрели. Она молчала все время, вообще какая-то забитая была. Не умела себя подать. Так учиться надо было! А у нас группа большая, за всеми не углядишь. В основном, бабы, и каждая хочет сыграть Гамлета. Но посудите сами – как мы можем доверить Гамлета человеку без какого бы то ни было опыта? Кроме того, есть очередь из хороших, зарекомендовавших себя актеров.

– Лорелея так вообще в истерику впадает, если у нее роль отобрать! – подхватила Мишель. – Мы же должны с этим считаться! А Крумин и Ольшанский очень ревниво относятся к ролям патрициев, не заставишь же их играть полосатых ежей!

– А вы уверены, что эти полосатые ежи... что вашу девушку не убили? – на всякий случай спросил доктор Мерц.

Рита покачала головой.

– Какая разница? – она пожала плечами. – Ведь после того как вы ее воскресите, убить ее второй раз не сможет никто, кроме вас, даже э... полосатые ежи. Главное, чтоб не сказали, что мы доводим людей до самоубийства, понимаете?

– То есть еще никто не знает, что она мертва? – уточнил Ваня.

– И не должен никто узнать! – жестко сказала Рита. – Есть некоторые люди, которые только и ждут, чтобы нас запретить. Мы не стали вызывать «скорую». У нас есть парень, который раньше работал медиком, он знает. Да и без него отлично видно, что Мышь эта, то есть, Маруся – белая, холодная и не дышит. Ужасно выглядит, даже без грима.

– И у нее есть пустой флакон, – добавила Мишель.

– И предсмертная записка о том, что ей не дали сыграть пирата по имени Длинный Меч...

– Нос. Кроме того, он индеец.

– Да. А у нас на него очередь.

– А что же она играла? Полосатого ежа?

– Да ничего, массовку...

– Я б у них тоже покончил с собой, – признался Ваня по пути в театр, когда они с доктором немного поотстали от заказчиц. – С этими девками говорить невозможно.

– Ты и без них это сделал, – напомнил Мерц. Ваня подозревал, что некроманту в то утро снились вовсе не станции метро, а недоступные в период бодрствования прекрасные гурии, поэтому настроения начинать рабочий день у него не было. – Они поступают незаконно, и они это знают. Но я не могу нарушать их интересы, так же как и не могу работать без контракта. А если учесть, что в их театре более полусотни человек и все знают, что Маруся отравилась, нам светит идеальная подстава.

– Откажитесь, Ансгар Фридрихович! – прошептал Ваня. – Прошу вас... если ей меньше восемнадцати...

– Двадцать восемь.

– Вы наверняка знаете способ отказаться.

– Наверняка знаю, – доктор Мерц придержал дверь черного хода, пропуская Ваню, – но так любопытно, что за непреодолимые обстоятельства побуждают здоровых людей добровольно расставаться с жизнью.

Усмотрев в этом шпильку в свой адрес, Ваня замолчал.

Здание творческой группы было переделано из старого ДК, имело два этажа с коридорами, два актовых зала и множество небольших комнат с поклеенными на газеты обоями. Ване в ДК понравилось. На вид уютно, где-то звучит музыка, кто-то бегаёт в платье и с кучей булавок, кто-то, стоя перед зеркалом, прицепляет на себя большой плюмаж.

Не понравилось только, что две женщины с грустными, озабоченными лицами ждали их возле одной из дверей.

– Это здесь, – прошептала Рита.

Накрытое черным атласом тело покоилось на диване в комнате, напоминающей стихийную гримерную (наверно, большая часть комнат в этом здании выглядела именно так). Рядом на тумбочке стоял злополучный пустой пузырек, освещенный старым торшером, поверх которого была наброшена красная тряпка – из-за нее комната выглядела зловеще. Ваня хотел взять баночку и прочитать название, но Ансгар Фридрихович перехватил его руку, пробормотав:

– Этот опыт тебе уже вряд ли пригодится. Тебе уже все удалось.

Да, господин Мерц сегодня явно встал не с той ноги.

В дверь заглянул крупный парень в белом костюме и кисло поинтересовался, глядя на Ансгара:

– Рита у нас что, на место Маруси взяла горбуна? Главное, чтобы ему...

– Идиот! – рывкнула Рита и прежде, чем кто-либо успел опомниться, выставила красавца за дверь. Она окончательно побледнела, а потом пошла красными пятнами.

– Простите, Ансгар Фридрихович, – сказала она глухо.

– Не стоит извиняться, – пробормотал доктор. – Я уже понял, что психологическая помощь в вашем коллективе находится на самом высоком уровне. Полагаю, что у каждого есть по несколько психотерапевтических дипломов.

Откинув тряпку, он всмотрелся в лицо покойницы, потом нажал пальцами на сонные артерии. Подержал.

Рита молча проглотила оскорбление.

– Все очень плохо? – прошептала Мишель, сцепляя руки и утыкая в них подбородок. Голос ее был полон глубокого сострадания, и Ваня пожалел, что оно адресовано не ему. Лицо же его шефа было абсолютно бесстрастным, но Ване, как и иногда раньше, казалось, что на нем можно прочитать шифровку, адресованную понимающим. Жаль, что Ваня понимающим никогда не был.

– Вы готовы к тому, что у покойной после воскрешения может измениться характер? – спросил он.

– Да, нам сказали...

– Все отлично, – ответил Ансгар Фридрихович, выпрямляясь и безразлично оглядывая обстановку: зеркало, гримерные принадлежности, огромное саше на стене, утыканное иглами и разноцветными лоскутками.

– Вы беретесь нам помочь? – нервы Риты явно сдавали, но она старалась не подавать виду.

– Окажите любезность – сделайте так, чтобы в комнате остались только я, вы и Иван, – ответил доктор Мерц. – Мы заключим контракт.

– Но...

– Делайте, как я сказал! – настоял доктор Мерц. – Иначе я не смогу вам помочь.

Контракт был странным. Ансгар Фридрихович заполнил два экземпляра стандартной формы, но оба оставил у себя, добавив, что обязуется не разглашать тайну оккультных услуг. Кроме того, Рита была обязана официально объявить, что Маруся на самом деле жива, а Ансгар с Иваном – врачи, осуществившие тут у них в театре конфиденциальную реанимацию девушки. Для пушего правдоподобия Ваня был отослан в аптеку с большим списком, а диван придвинули к одиноко торчащему из стены гвоздю, дабы на нем впоследствии укрепить якобы капельницу.

– Все равно они не поверят, – сомневалась Рита.

– А во что они поверят? В воскрешение? Не смешите меня, – вполголоса ответил Ансгар Фридрихович. – Вы, когда узнали обо мне, поверили?

– Нет, но... у меня был очень надежный источник. Он рассказал, что ваши воскрешенные поднимаются, уже зная, как притворяться живыми даже на диспансеризации. Они умеют изображать дыхание, пульс и даже ненадолго поднимать температуру тела. Страшно только то, что их нельзя убить.

– Надеюсь, вы не будете убивать Марусю. Слухи, конечно, будут ходить в вашем коллективе, но слухи – не повод для судебного разбирательства. А официальная версия всех устроит. Вы сами виноваты в том, что о предстоящем ритуале знает так много народу.

Рита вздохнула.

– Вы правы.

Ваня вернулся с огромным рюкзаком.

– А теперь вам тоже придется выйти, – Ансгар обернулся к Рите.

Она этого явно не ожидала, но подчинилась.

Оставшись один на один с Иваном, Ансгар сухо поинтересовался:

– Все купил?

– Все... но зачем так много? Для антуража достаточно было...

– К черту антураж, – доктор Мерц решительно высыпал содержимое сумки на столик у зеркала. – Она еще жива.

– А что, – невинно поинтересовался Ваня, – Кодекс разрешает вам обманывать клиентов?

– Кодекс регулирует только акты воскрешения, – ответил Ансгар Фридрихович, – и, пока у нее бьется сердце, под его действие мы не попадаем.

Ваня принялся разглядывать Марусю. Смотреть на нее как на труп было как-то неловко, а как на живую – совсем другое дело. Девушка была рыжей, с невыразительным тонким лицом, как показалось Ване, очень измученным. Худой она не была, но и лишнего веса не набрала. Только вот грудь маловата – видимо, от этого и все ее одиночество, подумалось ему. Фигуристые девки более востребованы.

– Об этом никто не должен знать, – перебил его мысли Ансгар Фридрихович, пытаясь попасть иглой в едва различимую, очень неприветливую вену под белой кожей. – Даже она сама.

– Но дырка-то останется.

– Скажем, что залили ей в кровь какой-нибудь ангиопротектор, чтобы быстрее воскресла, – доктор Мерц покрутил регулятор на трубке капельницы.

– Значит, ее характер останется прежним, – сокрушенно заметил Ваня. Марусю было жалко. Они ведь почти братья по исходу жизни. Возможно, у них в голове были схожие мысли...

– Ну, по крайней мере, она должна поумнеть и оставить это место, – утешил его шеф. – Если, конечно, она не была влюблена в того господина в белом костюме.

– Вообще-то, – не выдержал Ваня, – следовало бы поместить ее в больницу и промыть желудок... ладно-ладно, молчу. В крайнем случае, если она умрет, вы ведь сможете ее поднять.

Днями позже Ваня порадовался, что к моменту, когда он произнес эту фразу, Ансгар Фридрихович успел произвести все самые необходимые манипуляции. Потому что после нее его руки начали дрожать.

– Заткнулся бы ты, – попросил он сдержанно. – Все, в чем я неправ, я знаю и без тебя.

– Простите, – искренне покаялся Ваня. – Я не... просто я беспокоюсь за нее. Она такая... беззащитная. Мы тут плетем интриги, а она всего лишь поверила этим крокодилам. И надеялась, что ей действительно здесь помогут. Может быть, это глупо и наивно, но бывают такие ситуации, когда...

– Ты замолчишь или нет?! – прошипел доктор. – Если б мне нужна была проповедь и рыдания, я позвал бы кого-нибудь из театра!

Ваня некоторое время молчал, наблюдая за манипуляциями шефа.

– Я знаю, – сказал он вдруг, – в чем они неправы. Они только играют в психологическую помощь. На самом деле они все в ней нуждаются.

– Ты заслужил диплом, – огрызнулся некромант. – Можешь пойти работать на общественных началах непризнанным фрейдом. Только потом не жалуйся, что попал в гадючник... Все. Сколько времени?

– Обед уже.

– Вот иди и купи его. А я постерегу твою беззащитную даму. Не бойся, с моей стороны ей ничего не грозит.

Вернувшись, Ваня расставил на столе весь обед, какой смог приобрести в ларьке, и сказал как бы невзначай:

– Тот чувак в белом костюме переоделся в трико. Теперь очень хорошо видно, почему он такой злой...

– Не уподобляйся, – осадил помощника Ансгар Фридрихович, разворачивая салфетку с бутербродом. – Еще не хватало нам с тобой стать филиалом психологического театра и оказывать помощь всем, кто еще не решился покончить с собой... А что у него, квадратная задница?

– Треугольная!

– Жаль, Маруся не оставила ему таблеток.

– Не помогли бы, – улыбнулся Ваня. – Он абсолютно уверен в себе.

Доктор Мерц внезапно нахмурился.

– Уверен в себе?

– Да. Что?

– Ничего. Я тут внизу, на площади видел спортивный магазин с конским хлыстом в витрине. Купи его и осторожно принеси сюда так, чтобы никто не понял, что именно ты несешь.

– Зачем?

– Еще не знаю. Но чувствую, что пригодится. Понимаешь, треугольная задница – это еще не самое страшное в человеке...

Вечером они сказали Рите, что только начали ритуал. Даже показали, как расставили свечи.

А потом снова закрыли дверь.

– Маруся жива?

Некромант кивнул. После целого дня на ногах у него начала болеть спина, и он тоскливо оглядывался в поисках удобной для него мебели. Но уродов в этом веселом коллективе явно не держали.

Ансгар Фридрихович открыл шкаф, вынул оттуда два платья попышнее, разложил их на полу и лег на спину, глядя в потолок.

– К утру должна проснуться, – пообещал он, зевнув. – Я вколю ей стимулятор. И, видимо, это был не полный пузырек.

Ваня подумал, что на своей обычной работе его шеф так не устает. Все-таки отвечать за смерть – совсем не то, что отвечать за жизнь. А может быть, дело еще и в том, что работой своей мечты, своим призванием он занимается нелегально. И это делает его совсем другим человеком. Может быть, останься он в медицине, он и не дожил бы до своих лет.

– А если б полный? – спросил Ваня.

– Тогда пришлось бы воскрешать, – безразлично ответил некромант, глядя в потолок. Слишком безразлично.

– Ансгар Фридрихович, простите, что я задаю этот вопрос, но...

Ансгар повернулся, посмотрел в глаза.

– Да?

– Мне кажется, – осторожно начал Ваня, – что вы все еще в обиде на меня за то, что я когда-то...

– Утопился, – подсказал некромант.

– Угу.

– Может быть, – доктор кивнул. – Как и всякий человек, который видел, как то, о чем он мечтал полжизни, без сожаления выбрасывают в помойку. Я имею в виду здоровье.

– Простите меня. Если б я знал, что меня найдете именно вы, я бы не стал, – серьезно сказал Ваня. – Честное слово.

Некоторое время Ансгар изучал его лицо, а когда понял, что тот говорит серьезно, улыбнулся. Потом помрачнел.

– Какой же ты дурак... Мне даже кажется, что я остановил тебя на пути в рай.

– Туда не берут самоубийц.

– В твоем случае небесная канцелярия пересмотрела бы свои принципы.

Маруся очнулась в середине ночи. Некоторое время ей подставляли тазик, потом Ваня ее галантно сопровождал до туалета.

– Так я, – спросила она еще хриплым, пересохшим горлом, – воскрешена?

– Вы мертвы, – сказал ей Ансгар Фридрихович загробным голосом (с воскрешенными он таким не разговаривал). Сидя напротив нее в низком кресле, он упер локти в колени и не шевелился. – Ваша жизнь закончилась. Я – некромант. Вы почти как живая, но на самом деле – мертвая. Вы даже можете чувствовать боль. Но вы теперь по ту сторону жизни. К сожалению.

Маруся улыбнулась.

– Значит, жизнь после смерти...

– Только с моей помощью. Обычно там все иначе.

Маруся задумалась. Одернула кофточку. Пригладила волосы.

– И кто... оплачивал ваши услуги?

– Весь дружный коллектив вашего э... психологического театра. Они очень переживали, что ваша смерть испортит им проект. Но об этом говорить не нужно.

– Я и не буду, – Маруся отняла руку от волос, так и не завершив жеста. – Я была на том свете. Что мне до людей.

– Правильно, – кивнул Ансгар Фридрихович. – Знаете, каждый человек, побывавший ТАМ... он приносит с собой оттуда что-то. Некую вещь, которую дает ему Мироздание. Я не знаю, зачем именно ему та или иная вещь – эту загадку предстоит решить человеку... то есть, зомби. Вы ведь не обидитесь, если вас так назвать?

– Ни капельки. Это даже прикольно.

– Так вот, вещь, которую вы принесли с собой из смертного сна... она должна быть. Что с ней делать, вы должны понять самостоятельно.

Маруся отвернулась, ощупала ладонями свое «смертное ложе» и, засунув пальцы между сиденьем и спинкой, извлекла тонкий лошадиный хлыст.

– Ух ты, – сказала она. – Надо же... Впрочем, Мирозданию виднее.

– Не берусь истолковывать, – сказал Ангар Фридрихович, – но знак довольно прозрачен. Встань и иди, Маруся.

– Называйте меня Мариной.

– Как скажете.

И они оба, зомби и некромант, проводили девушку взглядами до двери. Сцена психологической помощи была отыграна по мере их скромных возможностей. Оставалось ждать.

Ваня видел, как утром Марина вышла к людям. Уверенно, спокойно и чинно, как человек, и впрямь вернувшийся из небытия.

В руке у нее был хлыст, которым она пощелкивала себя по высоким бутафорским сапогам.

– Марусенька, – прошептала Мишель.

– Здравствуйте, – обратилась ко всем бывшая Маруся глубоким, низким голосом. – Меня зовут Марина. Надеюсь, теперь вы мне рады больше, чем в первый раз. Потому что если вы не рады – я знаю, как вас обрадовать. Я внятно излагаю?

Целую секунду никто из дружного коллектива не знал, что ей ответить.

– Теперь она окажет им всем психологическую помощь, – прошептал Ваня, пока Ангар Фридрихович складывал ему в карман пачку купюр. – И сыграет ковбоя Длинный Хлыст.

– Длинного меча у нас под рукой не было, – Ангар Фридрихович надевал пальто. – Зато, если я воскрешу старика Зигмунда, будет что ему рассказать.

– Но ведь на самом деле, – начал было возражать Ваня, но некромант уже согласился с невысказанным.

– Некоторые люди боятся жить, – дал он, как ему казалось, наиболее вероятное и внятное объяснение. – А когда скажешь им, что их жизнь закончилась – страх проходит, и они становятся самими собой.

– А когда она поймет, что жива?

– Вряд ли решит это исправить... Идем, мы больше здесь не нужны.

...Уходя, они слышали голос парня в белом, щелчок хлыста и голос Марины: – Еще раз обзовешь Мишель блондинкой в уничижительной форме – будешь сидеть только на треугольных стульях!

– Ангар Фридрихович... а вы боитесь жить? – спросил Ваня, когда они вышли на улицу.

– Иногда просто до смерти, – то ли сострил некромант, то ли сказал правду – интонаций из-за сильного ветра было не разобрать. Голос господина Мерца вообще тяготел к монотонности. С таким не взяли бы ни в один психологический театр.

Глава 6. Золотое крыло

– А вас, господин Мерц, никогда не возьмут в число тех, к кому общество обязано быть терпимым, кто может наставить его на путь истинного гуманизма. Вот, смотрите список – люди с ограниченными возможностями, разные меньшинства, иные вероисповедания... вы, собственно говоря, что-нибудь иное исповедуете?

– Ничего.

– Вот видите. Вы относитесь к каким-нибудь меньшинствам?

– И с этим как-то не повезло.

– А ваши возможности – они ограничены?

– Мои возможности неограниченны.

– Тогда заберите свой талон и не морочьте мне голову!

– Социализация провалилась, – доктор Мерц сел на кровати, аккуратно застелил сзади себя одеяло и уставился в незамысловатый узор паркета. – Надежда на что-либо иное была бы явным оскорблением порядка вещей.

– Может, посмотреть этот сон еще раз? – предложил Ваня. – Если эти дебилы сменят психолога...

– «Эти дебилы» – это мое подсознание! – заметил Мерц со своей обычной прямоотой, потом набросил на плечи рубашку и начал ее застегивать. Рубашки он предпочитал только белые или черные, а пуговицы – только из настоящего перламутра. Пластику не доверял. – К тому же, я потерял талон и теперь обречен общаться только с тобой. А ты вырос в сарае с козами.

– Ну, знаете! – Ваня поднялся было, но под тяжелым взглядом шефа сел обратно.

– Что? – заинтересовался тот, расправляя воротник.

– Растяпа вы, Ансгар Фридрихович.

Доктор Мерц задумался: соглашаться или нет, но был отвлечен какой-то собственной мыслью.

– Это все энтропия, – сделал он вид, что вовсе не оправдывается, а сводит все к мировой философии. – Есть только одна структура, способная ее победить, но и она не всегда служит созиданию.

Мерц посмотрел в окно – на первые морозные узоры, захватившие снизу голубой прямоугольник стекла, на отблески яркого и холодного солнца – и продолжил одеваться дальше. На фоне блистающей зимней гармонии он выглядел, словно доходяга в бараке: торчащие на разном уровне лопатки, синие вены под тонкой кожей и мускулистые, но тоже неодинаковые плечи, скупо укрытые прямыми темными волосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.